

ПРЯЖА СУДЬБЫ

САГИ О ВЕРИНГАХ

ЮРИЙ ВЯЗЕМСКИЙ

Пряжа судьбы. Саги о верингах (дилогия)

Юрий Вяземский

**Пряжа судьбы. Саги о
верингах в 2 кн. Книга 1**

«Мир и Образование»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Вяземский Ю. П.

Пряжа судьбы. Саги о верингах в 2 кн. Книга 1 /
Ю. П. Вяземский — «Мир и Образование», 2026 — (Пряжа
судьбы. Саги о верингах (диалогия))

ISBN 978-5-907832-38-1

Три нити жизни — одна пряжа судьбы. Побратимы — Эйнар Синий Ус, Хельги Верный и Ингвар Сокол, прозванный Рориком, — прошли свой путь от Севера до Земли Русов по течению Данапра к городу Киево, начав Русскую историю. Пряжа, сотканная Юрием Вяземским, погружает читателя в суровую атмосферу древних верингов, живших в те далекие времена, когда не было еще самого имени «Норвегия», а земли и холодные воды, где проходила значительная часть жизни их обитателей, именовали Северные страны. Где от мужчины могло пахнуть медведем, а от женщины — лисой. А смелые воины носили рубахи из оленьей шкуры, заколдованные и заговоренные от любого оружия...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907832-38-1

© Вяземский Ю. П., 2026
© Мир и Образование, 2026

Содержание

Пролог	6
Сага об Эйнаре	7
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юрий Вяземский
Пряжа судьбы. Саги о верингах.
В двух книгах. Книга 1

© Симонов Ю. П., 2026

© ООО «Издательство «Мир и Образование», обложка, 2026

© ООО «МИО-БУКС», 2026

* * *

Пролог

Древние саги вещают:

В центре миров Великое Древо растет. Три корня его держат три мира. У него на стволе кровью первые руны начертаны.

Иггдрасиль имя ему у норманнов. Но Ирминсулем саксы его называют, другие германцы – Лерадом.

Ясень оно у норманнов. У славян и у кельтов – дуб зеленый, ветвистый.

На ветвях того Древа мудрый орел обитает. Никто его имя не знает. Но брат его Хрёсвелг, сидящий у края небес, своими крыльями ветры рождает.

Между глаз у орла маленький сокол устроился. Ведрфэльнир на норманнском, Рорик – на языке ободритов.

Хейдрун-коза, изюбр Эйктюрнир листву его поедают. И еще четыре оленя: Даин, Двалин, Дунейр и Дуратор.

Грызозуб, Рататоск, белка игривая, по стволу Древа скачет, речи орла вниз разносит, змею Нидхёггу, который корни Древа грызет, в колодце Хвергельмир таясь.

Под первым корнем Древа источник Урд расположен. Три женщины вышли оттуда. О них в Старшей Эдде так говорится:

Мудрые девы возникли,
Три из ключа
Под древом высоким.

В прекрасном чертоге девы живут и ежедневно Древо водой поливают, чтобы оно не зачахло. Вода та священна, и всё что в нее попадает, становится белым, словно пленка, лежащая под скорлупой у яйца.

Дев этих норнами кличут. Старшая, Урд, мудростью наделена и знанием жизни отлична. В белых одеждах на троне сидит и нить Судьбы выпрядает.

На резной скамье Верданди у ног ее поместилась. Она средних лет, урдову нить она принимает и Долю плетет, каждому разную.

Младшая Скульд непоседа. С валькириями часто летает, эйнхериев выбирая. Но всем, кто бы ни был, Участь вершит и жизненную нить к исходному сроку ножом обрезает.

Греки тех норн мойрами кличут, римляне – парками, рожаницами – бодричи и другие славяне. Но иные у тех имена, и наши норны их много искуснее.

Потому как нити лишь людям плетут. Богам же – толстые верви и даже канаты. И сложную, многозвучную пряжу народам и государствам.

С виду норны ничуть не страшны и собой хороши. Но сила их неизмерна, неумолима и неизбывна: великаны и боги ей покоряются, отвергнуть и даже отсрочить не могут. Ну разве наш Всеотец, могучий Видур, Вавуд, Ганград. С норнами часто совет держит, но прекословить не станет.

Это поведав тебе, дорогой мой читатель, Удачи тебе пожелаю. И в придачу к ней счастья и силы, уменья рукам и телу здоровья!

Сага об Эйнаре

Эйнарсага 1–19

1 Жил человек по имени Эйнар, по прозвищу Квельдэйнар. Отцом его был Храпп, дедом Хрут, прадедом Хрольв.

Хрольв, прадед Эйнара, был человеком громадного роста и поразительной силы. У него были широкий лоб, густые сросшиеся брови и огромная нижняя часть лица, подбородок и скулы – широченные. При этом лицо его было на редкость бледным. Он был задумчивым и молчаливым, не любил домашних животных, но дружил с дикими зверями и никогда на них не охотился. Когда случалось ему глубоко задуматься, как рассказывают, одна бровь у него опускалась до скулы, а другая поднималась до корней черных волос.

Рассказывают также, что однажды летом, на праздник Бальдра Светлого, на закате солнца Хрольв решил прогуляться по берегу моря на мысе Свартнес. А там есть большой камень. И вот идет он мимо того камня и видит: камень как будто раскрылся, и перед входом в него стоит карлик. Карлик этот позвал Хрольва, предлагая тому войти, если он хочет встретиться с Одним. Хрольв вошел в камень, а тот сразу закрылся, и Хрольв из него так никогда и не вышел.

2 У Хрольва было двое сыновей, Эйвинд и Хрут. Про первого в саге больше ничего не говорится. А про Хрута надо сказать, что внешне он был безобразен. Роста среднего, голова маленькая и узкая, а плечи могучие и руки толстые и волосатые, как у медведя. Шеи у него почти не было. Ноги короткие и словно дубовые пеньки. Одни люди прозвали его Медведем, другие называли его Полутроллем, потому что отца его, Хрольва, особенно после того, как он исчез в камне, стали считать не человеком, а троллем. Ну а сынок его, стало быть, Полутроль, так как ростом он был в половину своего отца. При этом у Хрута Полутролля, Хрута Медведя, волосы были цвета волчьей шерсти.

Мало того что урод – Хрут был задирист, вспыльчив и в гневе свиреп. Люди терпели от него немало обид, но связываться с ним боялись. При внешней неповоротливости он был ловок и быстр.

На пирах он всегда напивался до рвоты и безобразничал. Но в трезвом виде слыл большим мастером в работах по железу и дереву.

Богов никаких не чтит и однажды во время осеннего жертвоприношения вместо того, чтобы принести на холме рядом с усадьбой жертвы альвам, справил там нужду, заявив, что альвы ему надоели и он хочет прогнать их. Альвы, разумеется, покинули холм, но с той поры на Хрута посыпались разного рода неприятности.

Рассказывают, что перед смертью Хрут собрал своих домочадцев и объявил:

– Когда я умру, такова моя воля, чтобы мне вырыли могилу в дверях дома и чтобы я был погребен стоя под порогом. Так я смогу лучше следить за моим хозяйством.

Волю его не выполнили, благоразумно решив, что если с ним худо было иметь дело, когда он был жив, то еще хуже будет с покойником. Похоронили его у камня, в котором исчез его отец. Но Хрут часто вставал из могилы и безобразничал на крыше дома, в хлеву и на конюшне, пугая людей и калеча скот. После того как он до смерти изломал одного из пастухов, тело Хрута выкопали из могилы и отнесли в такое место, где реже всего проходили скот и люди. Хрут некоторое время не появлялся, но потом снова стал навещать хутор и в деревню, хотя и реже, чем прежде. Люди из деревни возмутились, пришли на Свартнес и пригрозили, что если родственники обнаглевшего покойника не примут должных мер, они сожгут его на костре, а его пепел бросят в море. Тогда родичи Хрута снова вырыли его, связали ему большие пальцы ног, отрубили голову и приложили ее к ляжкам, вырезали на могильном камне руны, могилу же обнесли каменной стеной, такой, чтобы мертвец не мог через нее перелезть, вырыли вокруг ров и напустили туда воду. Тогда наконец Хрут угомонился.

3 Два сына остались после Хрута, Эйрик и Храпп. Эйрик, когда даны впервые отправились грабить фризов и франков, примкнул к викингам и назад не вернулся. Храпп же остался вести хозяйство на Свартнесе.

Храпп был на редкость красив, и лицом, и статью. На своего отца он совершенно не походил и красоту свою унаследовал от матери, о которой в сагах ничего не говорится. Лишь черные волосы, как считали многие, портили его красоту. А также то, что взгляд его прекрасных глаз был слишком острым, и страшно было смотреть ему в глаза, когда он гневался.

Рассказывают, что однажды во время охоты он повстречался с двумя валькириями. Они резвились в реке, оставив на берегу свое лебяжье оперенье. Заметив охотника, одна валькирия успела подхватить крылья и улетела, другая же замешкалась, как говорят, пораженная красотой молодого человека, и тот не дал ей улизнуть, забрал оперенье и заставил деву остаться на земле и стать его женой. Звали красавицу не то Эльрун, не то Эльвит, не то Гёндудль – люди по-разному рассказывали. И многие верили, что такое действительно могло произойти.

Жена родила Храппу двух сыновей. А через девять лет бесследно исчезла. Когда Храппа спрашивали, куда он спрятал свою красавицу жену, он обычно загадочно улыбался и укоризненно качал головой. А однажды, остро глянув в лицо назойливому соседу, так что у того затряслись поджилки, сурово ответил:

– Она отрастила крылья и улетела. Ты лучше о своей жене любопытствуй.

Храпп был не менее искусным кузнецом, чем его отец. Но после смерти Хрута он ни разу не переступил порога его кузни. Он велел построить новую кузню на берегу залива, на опушке леса, неподалеку от камня, в котором, по преданию, исчез его дед.

Рассказывают, что однажды вечером, когда другие люди легли спать, Храпп вышел на берег, столкнул в море лодку с шестью скамьями для гребцов и поплыл на ней к острову посредине залива. Там опустил за борт якорный камень, а сам бросился в воду, нырнул, поднял со дна большой валун и положил его в лодку. Затем вернулся на берег и перенес камень в кузницу. На нем он стал ковать железо.

Все это случилось вскоре после того, как исчезла его жена. И надо сказать, что камень этот огромен и теперь его не поднять и вчетвером. А Храпп, насколько известно, никогда не отличался особой силой.

4 Вот какими были прадед, дед и отец Квельдэйнара, Вечернего Эйнара. Все – темноволосяе. Все предпочитали носить черные одежды, даже по праздникам. И поговаривали, что мыс, на котором стоял их хутор, именно поэтому назывался Свартнес, Черный Мыс.

Некоторые соседи и хутор называли Черным, но в народе он был больше известен как Хутор Дымов. В этих местах ветер чаще всего дует со стороны моря, и тогда над хутором стелется дым от кузни. А ведь и Храпп, и отец его Хрут были кузнецами и очень любили свою работу.

Хутор Дымов находится на Черном Мысе в трех днях пути от города Рибе в стране, которая называлась и теперь называется Данией.

5 Эйнар был старшим сыном Храппа. После смерти отца он взял в свои руки хозяйство и с гордостью стал называть себя одальбондоном, йорд-дроттом и лавардером, то есть хозяином усадьбы, землевладельцем и господином своих рабов. У него было с десяток рабов и столько же разного рода наемных работников. У него были быки и коровы, козы и овцы, гуси и утки.

Особой заботой хозяина пользовались кони. Он разводил разных коней: боевых, для игр и для повседневья. Все они приносили Эйнару неплохой доход: боевые кони были непугливы, игровые чаще других одерживали победы, а путевые лошади никогда не подводили в дороге.

И все же главным делом Квельдэйнара было кузнечное ремесло. Большую часть времени он отдавал этому занятию и любил повторять, что великий герой Сигурд был кузнецом и гордился этой тяжелой работой.

Серебро у Эйнара было свое, бронзу ему привозили из Хедебю, а железо – из Смоланда.

Пожалуй, в кузнечном мастерстве Эйнар превзошел и своего деда Хрута, и своего отца Храппа. Многие называли его мечи лучшими в Дании. Квельдэйнар обычно соглашался с этим утверждением, но иногда прибавлял, что многие фризы и франки делают мечи не хуже, а некоторые и лучше его мечей.

Он был не только знаменитым оружейником. Его обручья и запястья, кольца и перстни, фибулы и пряжки на рынке в Рибе продавались по самой высокой цене. Всё, к чему прикасались его руки, становилось драгоценностью. Однажды простой бронзовый пинцет он украсил головой Одина и двумя обращенными друг к другу птичьими головами. Работа была так искусно выполнена, что у воронов были видны отдельные перья, а у бога левый глаз вроде как запыл и ослеп.

В другой раз он всех поразил своей прозорливостью. Кто-то хвастался золотым кольцом, которое он за большие деньги купил на рынке. Все восторгались и щелкали языками. А Эйнар, покрутив кольцо на ладони, сказал, что в кольце есть обман. И точно: когда наконец решили проверить и кольцо разломали, оказалось, что внутри него медь.

К тому же Квельдэйнар был скальдом, и многие его стихи помнят до сих пор, а некоторые даже приписывают себе более поздние поэты. Например, вот эти:

Кузнецу подняться
Надо утром рано.
К пламени мехами
Ветер будет позван.

Звонко по железу
Молот мой грохочет,
А мехи, как волки,
Воя, кличут бурю.

Казалось бы, рачительный и зажиточный хозяин, умелый мастер и достойный человек. Но доброй славе Эйнара, сына Храппа, мешало не одно, а сразу несколько обстоятельств.

Начать стоит, пожалуй, с того, что волосы и борода у него были черными, как смола, а черноволосых людей всегда опасаются и не доверяют им.

Добавить к этому надо, что своего младшего брата Хорика Эйнар выжил с хутора, и тот вынужден был отправиться служить конунгу Годфреду.

С соседями Эйнар старался не ссориться, но в гости к себе никогда не приглашал, в деревенских жертвенных пирах участвовал очень редко, а когда садился за общинный стол, то не пил ни пива, ни браги, что, понятное дело, вызывало в сотрапезниках неудовольствие и подозрения.

На рынке в Рибе Эйнар часто затевал ссоры с другими торговцами, как правило, с фризами, которых, как мы помним, хвалил, но с каждой похвалой, похоже, все сильнее их недолюбливал, и стоило ему увидеть мечевщика-фриза, как он сразу затевал ссору, перераставшую в драку. До смертоубийства дело ни разу не дошло, но несколько раз Эйнару пришлось платить виру за членовредительство. Рассказы об этих проделках распространялись по всей округе, как огонь по сухой траве.

Но больше всего доброй славе кузнеца вредило то, что утром и днем он был одним человеком, а к вечеру становился другим. Днем, когда он обычно принимал заказы, Эйнар был насмешливым, но разговорчивым. К вечеру же суровел лицом и будто еще сильнее чернел волосами и бородой. Взгляд становился мутным, движения то слишком медленными, то чересчур резкими. У него было два помощника в кузнечном деле. С одним он работал только днем, с другим – вечером и часто за полночь. Именно вечером и ночью Эйнар делал свои луч-

шие работы. И ночной его напарник человеком был не менее зловещим, чем его хозяин-кузнец, каким он становился по вечерам. Никто из соседей не знал в точности, кем этот напарник приходился Эйнару: рабом, вольноотпущенником, наемным работником, дальним родственником. Никто не знал его имени. Никому толком не удавалось рассмотреть его лица, потому что он появлялся на хуторе только в сумерках и лицо его всегда было скрыто под серым капюшоном.

Потому и прозвали его Серым, а Эйнара, сына Храппа, – Квельдэйнаром, Вечерним Эйнаром. И тут же припомнили Эйнару и его деда Полутролля, живого мертвеца, и прадеда, ушедшего в камень, а также исчезнувшую мать, якобы валькирию. Тем более что сам Эйнар всегда поминал свою мать недобрым словом, когда наступали засушливые дни; ведь даже детям известно, что за дожди и утреннюю росу отвечают валькирии.

6 Про жену Эйнара тоже ходили недобрые слухи. Поговаривали, что ее бабушку по отцу изнасиловал медведь. Через девять месяцев после того случая она родила сына, которого нарекли Бьёрном. А от того родилась девочка, которую Бьёрн назвал Берой, дескать, потому что и сам он происходил от медведя, и его дочери дедом приходился медведь.

На этой самой Бере и женился Эйнар, сын Храппа.

Правду сказать, ничего медвежьего в Бере не было. Росту она была невысокого. Волосы у нее были светлые, очень красивые и такие длинные, что могли закрыть ее всю. Тихая, молчаливая, она никогда не перечила мужу, была предана ему и в большом, и в малом.

Бера родила Эйнару троих детей, двух мальчиков и одну девочку. Но все они умерли во младенчестве. И это несмотря на то, что перед каждым рождением Бере, по ее рассказам, во сне являлись норны из светлых альвов, выпрядали красивые нити и пророчили долгие годы жизни ее детям.

Три раза сны обманывали бедную женщину. Первый мальчик умер почти сразу, девочка умерла через три дня, второй сын – через девять дней.

Люди жалели Бери и после смерти третьего ребенка даже самые злоречивые не вспоминали больше ни про медведя, ни про проделки Квельдэйнара, отца ребенка. Лишь грустно вздыхали, качали головой, и кто-то сказал:

– Что ж, видно, ничего не поделаешь. От судьбы не уйдешь.

7 Перед рождением четвертого ребенка к Бере во сне снова пришли светлые норны, стали выпрядать длинные нити. Но следом явилась черная женщина, из рода темных альвов, прогнала светлых, объявив их обманщицами, нити их разорвала и унесла с собой.

На следующий день Бера родила мальчика.

Рассказывали, что в тот день на море был необычайный туман – он будто стена воздвигся от моря до самого неба и то надвигался на берег, то отступал.

Новорожденного, как положено, положили на пол и пошли искать отца.

Тот пришел, взглянул на младенца и говорит:

– Зачем оторвали меня от работы? Этот тоже умрет.

Бера открыла глаза и тихо сказала:

– Надо дать ему имя.

– Я уже трижды давал. Надоело, – сказал Эйнар и вышел из дома.

Но Бера, с трудом поднявшись с ложа, взяла младенца и пошла за мужем. Догнав его по дороге в кузню, снова тихо и ласково попросила, чтобы отец нарек сына. Эйнар остановился, отодвинул край пеленки, взглянул на спящего.

– Прежние были светлыми. Этот черный. Даже если выживет, едва ли из него выйдет что-нибудь путное, – проворчал Эйнар и зашагал дальше.

Еще раз надо сказать, что Бера всегда беспрекословно слушалась мужа.

Но тут она увязалась за ним, вошла в кузницу и встала у двери с младенцем на руках.

Уже наступил вечер, и в кузне раздувал горн тот самый работник, которого в народе прозвали Серым.

Эйнар, будто не замечая жены, принялся за работу.

Прошло немало времени. И Бера вдруг говорит, как обычно, тихо и ласково:

– Если ты не дашь мальчику имя, ты никогда больше не ляжешь в мою постель и придется тебе спать вот с этим Серым.

Дело, как сказано, было вечером, и Эйнар уже стал Вечерним Эйнаром. Мутным взглядом посмотрел он на жену, отшвырнул лезвие меча, над которым работал, взял маленькую заготовку и скоро сделал из нее молоточек Тора. Остудив изделие, он зачерпнул воды, облил голову младенца и сказал:

– Я, Эйнар, сын Храппа, признаю этого младенца своим сыном и нарекаю его Эйнаром.

Тут помощник Эйнара, Серый, решил подать голос и сказал:

– По отцу называют, если отца уже нет в живых.

– Моего отца Храппа нет в живых, и его именем я нарек своего первого сына. Его тоже не стало в живых. Хрутом, именем деда, я назвал второго своего сына. И он скоро умер... Эйнар, сын Эйнара. Что тебе тут не понравилось?

– Смотри, как бы этот новый Эйнар не свел тебя в могилу, – сказал Серый.

– Смотри, как бы я не выгнал тебя из кузницы за глупые речи, – ответил Квельдэйнар, и одна бровь у него поползла вверх к волосам, а другая стала спускаться на скулу, как это, по рассказам, случалось с его прадедом Хрольвом, а у Эйнара редко бывало, очень редко.

Никакого пира по случаю рождения сына отец не устроил.

8 Соврал сон. Крепким ребенком рос младший Эйнар. В три года он был таким же рослым и сильным, как другие мальчишки в шесть или семь лет. Он рано стал говорить и говорил складно, но когда играл с другими детьми, был необуздан. Он постоянно дрался. Люди стали говорить, что из-за его характера с ним будет трудно сладить.

С каждым годом он становился все больше похож на отца, но волосы у него светлели.

До трех лет отец не обращал на него никакого внимания. А мать души в нем не чаяла, прощала ему все проказы и чуть ли не гордилась ими. Ребенок же, судя по всему, не испытывал к своей матери никаких нежных чувств и кричал на нее, когда ему что-то было нужно, а ему не давали.

Привязан он был только к одному человеку, к своей кормилице.

Она появилась на хуторе на следующий день после рождения младшего Эйнара и как раз тогда, когда мать ребенка, Бера, поняла, что боги не дали ей молока и ей нечем кормить младенца. Как только она это поняла, в дом вошла незнакомая женщина сурового вида, рослая и сильная, как мужчина, и спросила, не нужна ли новорожденному кормилица. И так случилось, что в это время ни на хуторе, ни в соседней деревне не оказалось ни одной женщины, у которой было бы молоко. Пришлось брать эту незваную, хотя Бере она не приглянулась.

Назвалась пришедшая Дагед. Древнее имя. Так звали когда-то дочь конунга Дага Могучего. Но уже давно этим именем никого не называли.

Больше всего эта неизвестно откуда явившаяся Дагед была похожа на колдунью. Но не с голоду же помирать ребенку. Решили: пусть кормит, пока не подыщут другую кормилицу. А когда наконец отыскали женщину с молоком, младенец наотрез отказался брать ее грудь. Кричал, синел и не ел, ни капельки. А из груди Дагед сосал жадно.

Дагед оставили на хуторе, и она кормила мальчика до трех лет. А тот рос, как растут герои в древних сагах.

Надо сказать, что Дагед не только кормила его своим молоком. Она вырезала на его колыбели древние руны, которых никто на хуторе не мог прочесть. В тайне от матери и других домочадцев она обливала ребенка холодной водой. Она часто гадала по медвежьей лапе, чтобы выбрать благоприятное время для того или иного занятия.

9 Эйнару исполнилось три года, когда отец его, Квельдэйнар, впервые пристально глянул на сына и сказал:

– Сдается мне, что он вовсе не собирается умирать. Всех нас, поди, переживет этот крепыш.

Когда Эйнару было четыре года, отец отвел его в кузницу и велел там сидеть и следить за работой. Но мальчик своим видом и своим поведением показывал, что всё ему не по душе. Дня три Квельдэйнар заставлял его, а на четвертый обругал и выгнал из кузницы.

В пять лет Эйнар выглядел на все восемь. Однажды отец призвал его и сказал:

– Ты будешь пасти наших домашних гусей.

Эйнар в ответ говорит:

– Презренная и рабья работа!

Отец отвечает:

– Ты с ней сначала справишься. А потом решим, на что ты способен.

Эйнар стал пасти гусей. Было там десять гусей и с ними много гусят. Немного спустя прохожие нашли на дороге, ведущей к деревне, десять мертвых гусят, а у четырех взрослых гусей в птичнике были сломаны крылья.

Когда старшему Эйнару доложили о происшедшем, он бросил работу и пошел искать сына. Он нашел его в сарае. Рядом с ним, гадая по медвежьей лапе, сидела кормилица Дагед.

– Что ты сделал с гусями? – спросил отец.

– Гуси слишком непослушные, а гусята – неповоротливые. Надоело мне с ними возиться, – ответил сынок.

Увидев, что отец снимает с себя широкий кожаный ремень, мальчик спокойно прибавил:

– Не по мне оказалась работа. Найди мне другую.

– Сейчас найду, – сказал отец и двинулся в сторону сына.

Но тут Дагед отложила в сторону медвежью лапу, подняла с земли топор и, заслонив своим рослым телом воспитанника, шагнула навстречу Квельдэйнару.

Оба остановились в двух шагах друг от друга.

Женщина не проронила ни слова. А мужчина, разведя брови вверх и вниз, после долгого молчания сказал:

– Никогда не связывался с женщинами. И сейчас не стану.

Тем дело и окончилось.

10 Эйнару было шесть лет, когда деревенские мальчишки затеяли игру в мяч. Был среди игравших парень двенадцати лет по имени Магни. Он так сильно толкнул Эйнара, что тот упал. А Магни, вместо того чтобы извиниться, когда Эйнар поднялся, снова толкнул его на землю. И так несколько раз делал, а другие мальчишки смеялись.

Плача, Эйнар прибежал на хутор, и там его увидела Дагед.

– От чего плачешь? От боли? От обиды? – спросила она.

– От обиды, – ответил Эйнар.

– Мужчина может плакать только от ненависти. Но лучше вообще не плакать, – сказала кормилица.

Потом она куда-то ушла, и до вечера ее не было на хуторе.

А когда Эйнар шел ужинать, Дагед остановила его у входа в большой дом, протянула кусок мяса и велела съесть перед едой. Эйнар съел.

На следующий день деревенские снова играли в мяч. Эйнар пришел на поле и, подойдя к Магни, сказал:

– Вчера ты сильно огорчил меня. Не хочешь ли извиниться?

Магни сначала удивился, а потом засмеялся. Следом засмеялись другие.

– Ну как знаешь, – сказал Эйнар, выхватил из-за пазухи камень и ударил им обидчика по голове. Тот упал и лежал без движения.

Дети смеяться перестали. А Эйнар спросил их:

– Стало невесело? Хотите, я и вас рассмешу? Мальчишки убежали. Эйнар же отправился домой.

Увидев кормилицу, Эйнар заговорил с ней и спросил:

– Что ты мне дала вчера?

– Почему спрашиваешь?

– Сегодня утром я почувствовал под каждым ребром ненависть. Я пошел и убил его, – сказал Эйнар.

А Дагед в ответ:

– Нет, не убил. Он поправится. Убийства тебе еще предстоят. Много убийств.

Маленький Эйнар нахмурился. Дагед сказала:

– Я изжарила на вертеле сердце волка и дала тебе съесть. Ты ведь рожден для большой жизни и должен уметь за себя постоять.

Это случилось осенью. И той же осенью Дагед стала заставлять Эйнара плавать в холодной воде залива. Она плавала вместе с ним, с каждым разом увеличивая расстояния.

Эйнар во всем подчинялся своей кормилице. Он только ее слушался.

11 С шести лет Эйнар стал ухаживать за лошадьми. В семь лет Дагед посадила его на коня. Когда старший Эйнар увидел сына на лошади, он запретил ему ездить верхом, чтобы не покалечиться, а если ему нравятся кони, пусть он продолжает за ними ухаживать.

Эйнар перестал ухаживать за лошадьми, но стоило отцу куда-нибудь отлучиться, садился на коня и на всякого: обычного и боевого, строптивного и смиренного.

Однажды отец раньше обычного вернулся на хутор и увидел, как сын на коне прыгает через невысокую плетеную ограду. Старшему Эйнару понравилось, как сын сидит в седле и как управляет лошастью, – он отменил свой запрет и разрешил ездить на лошадях. И с той поры Эйнар перестал садиться верхом и даже на конюшню не заходил.

Эйнару было восемь лет, когда он однажды попросил отца взять его с собой на ярмарку в Риббе.

– Не возьму, – говорит Квельдэйнар. – Ты пока не умеешь держать себя на людях.

Конюха на хуторе тогда не было, и Квельдэйнар велел сыну оседлать ему коня. Тот пошел в хлев, выбрал самого большого козла, надел на него седло, подвел к дому и сказал, что конь оседлан. Старший Эйнар вышел, увидел и сказал:

– По всему видно, что ты на меня в обиде.

– Ты для меня, как бог, – ответил младший Эйнар. – А Тор, как рассказывает Дагед, ездит на козлах, Тангниостре и Тангриснире.

– Тор ездит не на козлах, а на колеснице, запряженной козлами. А ведьма твоя стала чересчур разговорчивой, – усмехнулся отец, распряг козла и ушел на конюшню.

Надо заметить, что эту шутку с козлом датчанин Эйнар Эйнарссон первым проделал. А Эгиль Скаллаgrimссон, норвежец из известной саги, эту проделку лишь повторил.

Квельдэйнар на ярмарке в Риббе рассказывал своим знакомым, что сын его не только научился безобразничать, но умеет так оправдать свои проказы, что они и безобразием не кажутся.

С тех пор старший Эйнар стал приглашать младшего играть с ним в мяч. Ведь никто из деревенских после того случая с Магни не желал иметь дело с Эйнаром, сыном Квельдэйнара.

11 Эйнару только исполнилось десять лет, когда произошло вот что. Играли в мяч на берегу залива. Отец – в одной команде, сын – в другой. Сначала выигрывала команда, в которой играл Эйнар-младший. Вечером же, после захода солнца, стала выигрывать другая команда. Отец сделался таким сильным, что схватил одного игрока, поднял его и так швырнул оземь, что сломал ему руку и ногу. Младший Эйнар попытался помочь бедняге, и тогда отец кинулся на него.

Дагед при этом присутствовала и сказала:

– Совсем озверел волчара! На родного сына бросается!

Отец отпустил Эйнара и бросился на кормилицу. Она увернулась и побежала, Квельдэйнар – за ней. Они добежали до края мыса, и женщина прыгнула в воду. Квельдэйнар метнул ей вслед большой камень и попал между лопаток. Дагед исчезла под водой и не всплыла.

Поздно вечером люди сели за столы. Младший Эйнар не занял своего места. Он подошел к ночному помощнику, которого звали Серым, и ударил его ножом. Серый тут же упал со скамьи. А Эйнар вышел во двор. Он был в таком волнении, что лицо его делалось то красным, как кровь, то бледным, как трава, то синим, как смерть. Никто за ним не пошел.

13 На следующее утро стали искать младшего Эйнара, но нигде не нашли.

Когда через три дня он не объявился, старший Эйнар под вечер велел оседлать и привести ему лошадь. Собравшись, он вышел из дома со своими сундуками с серебром, сел на лошадь и уехал в противоположную сторону от залива. А утром, когда люди встали, они увидели, что к усадьбе с восточной стороны бредет Квельдэйнар и тянет за собой коня. Но сундуков больше никто не видел, и о том, куда он спрятал свое серебро, было много догадок.

Жене своей Бере Квельдэйнар так сказал:

– Ничего не достанется твоему выродку. А мне будет с чем отправиться в Вальгаллу.

14 Теперь надо сказать, куда делся Эйнар, сын Квельдэйнара. Тем же вечером, когда он ударил ножом Серого, он ушел из дома и двинулся на север. Он дошел до Рибе и там остался.

В Рибе он прожил то ли два, то ли три года. О его жизни там мало что известно.

Известно, однако, что он больше не называл себя Эйнаром, а назвался Храппом, по имени своего деда. Но мы продолжим называть его Эйнаром, чтобы не возникло путаницы.

Рассказывают также, что он обосновался у сюслуманна Асгейра, управителя округа, человека богатого и влиятельного. И вот как он к нему попал.

Он вошел в дом Асгейра, когда тот и его люди сидели за вечерней трапезой, растолкал слуг, прыгнул на колени к Асгейру и так крепко ухватил его за шею, что никто не мог оторвать мальчишку от хозяина дома. А потом, все еще сидя на коленях, заявил, что он сидел на коленях у Асгейра и тот теперь должен быть его воспитателем, если уважает обычаи и соблюдает законы.

Асгейра выходка Храппа-Эйнара весьма удивила. Но он был человеком дерзким, служил Харальду, сыну умершего конунга Годфреда, и дерзость мальчишки пришлась ему по душе. Такой пригодится в хозяйстве, решил Асгейр и оставил парня у себя.

Эйнар вел себя достойно, помогал конюху ухаживать за лошадьми, старательно выполнял различные поручения хозяина, но когда в город съезжались торговцы и устраивались ярмарки, сказывался больным и не выходил из дома. И нам должно быть понятно, почему он так поступал. Ведь именно в Рибе чаще всего отправлялся по торговым делам отец Эйнара, Квельдэйнар.

У Асгейра были два сына и одна дочь. Сыновья сначала недоверчиво и высокомерно отнеслись к Эйнару. Но когда он один раз защитил их от компании разнузданных юнцов, изменили к нему отношение. Эйнар в свои десять лет выглядел на четырнадцать, мог оказать достойный отпор даже взрослому, и с ним не хотели связываться.

Дочери Асгейра Эйнар сначала очень нравился. Но потом она его невзлюбила, наверное, потому, что он совсем не уделял ей внимания. И тогда она стала подначивать братьев, говоря, что отец их привечает Эйнара больше, чем своих сыновей, что когда дело дойдет до дележа наследства, этот чужак может отнять у них большую долю. И много другого недоброго говорила про него. Так что братья снова перестали доверять Эйнару.

Они стали задевать его и подсмеиваться над ним. И чем терпеливее он сносил их насмешки, тем сильнее они верили в наговоры сестры и тем злее и обиднее становились их издевки.

Наступил день, когда Эйнар понял, что больше он не должен оставаться у Асгейра, потому как может не сдержаться, а калечить детей своего гостеприимца и тем более совершить еще одно убийство не входило в его планы.

Эйнар тогда еще не знал, что ночного помощника своего отца, Серого, он не убил, а лишь тяжело ранил.

Ушел Эйнар из Риббе, ни с кем не попрощавшись, и отправился дальше на север.

15 На севере Ютландии на холме, с которого, если смотреть на запад, виден Лимфьорд, а если смотреть на восток – Каттегат, находится большая деревня под названием Алебу. Там уже тогда было много добротных домов, окруженных частоколом, а вокруг – хутора владетельных бондов, которые не только возделывали пашни, растили скот, но также занимались торговлей, пользуясь водным путем, который через Лимфьорд соединял два пролива, Каттегат со Скагерраком.

До этой деревни дошел и там остался Храпп-Эйнар, а о том, как он туда добрался, ничего не рассказывается.

Он поселился в деревне у человека по имени Гальб и стал ухаживать за его лошадьми, что, как мы знаем, он уже хорошо умел делать.

В Алебу Эйнар прожил два или три года.

Там были в моде бои молодых коней. Много народу собиралось на них; иногда приезжали даже с дальних концов Лимфьорда. Гальб иногда выставлял своих коней, но они редко выигрывали. Чаще всего выигрывали кони богатого и влиятельного бонда, который жил на хуторе в двух милях на восток от Алебу. Звали этого человека Герлон.

Эйнар не пропускал ни одного боя и хорошо изучил правила и приемы, коней и людей.

Однажды случилось так, что натравщик хозяина в одном из боев сломал ногу и не мог ходить. И тут вызвался Эйнар:

– Хочешь, я буду натравливать твоего коня, Гальб?

– Куда тебе, мальчишке?! – ответил Гальб. – Против тебя будут натравщики Герлона, известные ловкачи.

Эйнару тогда было лет пятнадцать. И он ответил:

– Я тоже не люблю проигрывать.

Долго спорили, но в конце концов решили, что можно попробовать.

Натравщика Герлона звали Орм. Он вышел на поле в красной одежде и серебряном поясе. На его шесте был серебряный наконечник. Эйнар же выглядел скромно.

Кони неплохо кусались. Но Орму показалось, что конь его сдает, и он незаметно для зрителей, но сильно ударил по морде коня, которого натравливал Эйнар. Увидев это, Эйнар также незаметно, но сильно ударил коня Орма, и конь пустился бежать, а зрители заулюлюкали. Тогда Орм стукнул Эйнара шестом. Удар пришелся в бровь, так что глаз весь заплыл. Это уже все люди видели и кричали, что Орма надо наказывать, а победу присудить коню Гальба. Судья объявил Гальба победителем, а Орма не стал наказывать, побоявшись его хозяина Герлона, властного и сурового. Эйнар же оторвал лоскут от полы рубахи и завязал бровь.

Гальб широко отпраздновал победу, которой у него давно не было. Но объявил, что на следующий день не будет выставлять коня, так как боится за Эйнара, которому Герлон и его молодцы не простят поражения.

– Я никогда не считал себя трусом, – сказал Эйнар и спросил: – А ты кем себя считаешь, Гальб?

На этот раз они спорили дольше, чем накануне, но гости все же уговорили Гальба рискнуть и показать Герлону, что не только его кони могут все время выигрывать.

Назавтра со стороны Герлона вышли целых два натравщика: тот же Орм и некто Бэгсиг. Эйнар был один, и бровь у него была перевязана. И вот кони сшиблись и стали так яростно кусать друг друга, что их и не нужно было натравливать. Все были очень довольны. Тут Бэгсиг и

Орм решили ударить своего коня так, чтобы тот толкнул коня Эйнара, и посмотреть, не упадет ли Эйнар. Кони сшиблись, Бэгсиг и Орм тут же подскочили сзади к своему коню. Но Эйнар заставил своего коня рвануться навстречу, и Орм и Бэгсиг упали навзничь, а их конь поверх них. Они сразу же вскочили и бросились на Эйнара. Тот увернулся, схватил Бэгсига и швырнул его на землю так, что тот больше не поднялся. Тогда Орм ударил посохом эйнарова коня и вышиб ему глаз. А Эйнар своим посохом ударил Орма в переносицу, и тот лишился чувств.

Судья велел прекратить состязания. Победу никому не присудили. Гальб в тот вечер никого в гости не приглашал.

Рано утром, едва начало светать, он разбудил Эйнара и сообщил, что ночью умер от раны Орм, любимый натравщик Герлона, что, скорее всего, Герлон и его слуги сейчас седлают лошадей, чтобы заявиться в Алебу и расправиться с Эйнаром.

– Они тебя убьют! – шептал испуганный Гальб. – Тебе лучше скрыться. И мне лучше, чтобы ты бежал, Храпп!

– Надоело мне бегать, – спокойно ответил Эйнар, называвший себя Храппом. – Но, похоже, такую нитку выплели мне милые девы.

Эйнар вышел из дома, набросил уздечку на одного из коней. Гальб закричал, чтобы Эйнар не трогал его имущества.

– Тебе же будет лучше, если ты скажешь Герлону, что сам пострадал от меня, лишившись двух коней, – возразил ему Эйнар и ускакал.

Он поехал на запад вдоль Лимфьорда. В середине дня он бросил коня и пошел через лес на север. Погоня его не настигла.

16 На самом севере Ютландии есть место, где встречаются два пролива, так что волны одного накатываются на волны другого, как на скалы. Там дуют очень сильные ветры, и зимой, и летом. Там есть лишь одна деревня, которая называется Скаген. Леса в тех местах мало, он плохой, и поэтому дома строят из камня, глины и дерна. Только три дома в деревне были деревянными, из привозного леса. В одном из них жил человек по имени Глум. Он был человеком зажиточным и по тамошним меркам даже богатым. У него было стадо в пятьдесят овец и человек с дюжину рабов и поденщиков. К этому человеку и нанялся работником Эйнар, который теперь назвался Хрутом, по имени своего прадеда.

Эйнару было шестнадцать лет, но выглядел он как зрелый мужчина. У него уже выросли усы и борода, которые были черными, как смола, а волосы на голове оставались по-прежнему очень светлыми. Глум велел ему пасти овец и собирать хворост, обещая за это кормить его круглый год.

Голос у Эйнара-Хрута стал зычным и грубым, и едва он начинал кричать, скот сбивался в кучу. Так что пасти овец ему было легко. И хворосту за один раз он мог принести так много, что не приходилось часто ходить.

Хозяин это скоро заметил и велел ему вместе с другими работниками также ловить рыбу, во время ловли оставляя овец на двух служанок. Эйнар согласился при том условии, что за эту дополнительную работу Глум ему будет платить; ведь во время найма о ней не договаривались. Глум нехотя согласился, но деньги обещал заплатить на Йоль, а когда Йоль наступил, сказал, что заплатит летом, на праздник Бальдра Светлого. Глум был человеком прижимистым.

Эйнар, однако, не возражал. Он быстро научился ловить сельдь, а потом оставил других рыболовов и стал рыбачить в одиночку. Он придумал рыть глубокие ямы там, где суша и море встречались, и когда море отступало, в этих ямах задерживался палтус и некоторые другие рыбы. Скоро Эйнар один ловил не меньше рыбы, чем Глумовы слуги на лодке с сетями.

Эйнар был умелым работником, и у него всегда оставалось много свободного времени. Он его тратил на то, что наблюдал за птицами и за рыбами. Он ведь с малых лет научился плавать и нырять в морской воде. Он подружился с одним осьминогом, и они чуть ли не каждый день встречались под водой; осьминог протягивал ему свои щупальца, а Эйнар гладил их рукой.

У осьминога он учился прятаться и нападать из засады, а у чаек обучался дерзости, внезапности нападения, безжалостности, настойчивости и терпению. Так он сам потом рассказывал, когда вспоминал о своей жизни в Скагене.

17 Эйнар прожил у Глума без малого год, когда Глум после праздника Бальдра отправился на юг, а вернувшись, позвал Эйнара и имел с ним такую беседу наедине.

– Был я в Алебу на Лимфьорде, – сказал Глум. – Там прошлой весной совершены были убийство и кража коня. Человека, который это сделал, звали Храпп. Он был примерно твоего роста и возраста. Что ты мне скажешь?

– Скажу, что Храпп и Хрут – разные имена, – ответил Эйнар.

– Разные-то разные, – продолжал хозяин. – Но у того Храппа, как и у тебя, волосы были очень светлые, а на лице пробивалась черная щетина. Таких молодцов я что-то не встречал в округе. Что ты на это мне скажешь?

– Мало ли разноцветных, – усмехнулся Эйнар и добавил: – Если тебе не нравится, я сбрею усы и бороду.

– Мне не понравится, если эти люди из Алебу явятся сюда и обвинят меня в том, что я скрываю преступника. Они за твою поимку назначили хорошую цену, – сообщил Глум.

– Сколько?

– Десять марок серебром. Деньги немалые.

– Ты хочешь прогнать меня? – спросил Эйнар.

– Я не бросаю людей в беде, – сказал Глум. – Но я хочу перезаключить с тобой договор. Я ведь сильно рискую, помогая тебе.

– Давай попробуем снова договориться, – отвечал Эйнар.

И они договорились о том, что Хрут, он же Эйнар, остается у Глума, но жить будет не в доме, а в корабельном сарае на берегу пролива. Глум также выставил условие, что он больше не будет платить Эйнару за дополнительную работу и деньги, которые он ему задолжал, тоже оставит себе в качестве платы за опасность, которой он себя подвергает. Пришлось Эйнару согласиться. Другого выхода он не нашел.

Осенью к этим условиям хозяин добавил новые. Эйнару было велено не только пасти овец, приносить хворост и ловить рыбу, но также собирать камни и дерн для строительства.

Потом добавилось новое занятие – жечь уголь и резать торф на топливо. Рабы и слуги стали за глаза называть Эйнара кто Уголь-Хрутом, кто – Торф-Хрутом.

У Эйнара теперь не оставалось времени на отдых, ему приходилось трудиться с раннего утра до позднего вечера, а ночью кутаться в плащ в холодном корабельном сарае. Ревел Скагеррак, рычал ветер в кровле.

Прошла зима, наступила весна. Весна в Скагене очень холодная. И Глум однажды велел Эйнару по вечерам тереть ему спину возле огня.

– Ну, это уже совсем рабья работа, – заметил Эйнар.

– Надо трудиться, чтобы заработать ту еду, которую я тебе даю. Ты ешь больше, чем два моих раба, – ответил Глум.

– А работаю я за трех рабов, – сказал Эйнар.

– Если тебя поймают, тебе придется намного хуже, – усмехнулся Глум.

18 Наступило лето. И тогда вот что случилось.

Как-то раз поздно вечером Эйнар тер у огня Глуму спину и неожиданно связал тому сзади руки.

– Это зачем? – спросил Глум и больше уже ничего не смог спросить, потому что Эйнар заткнул ему рот тряпкой.

– Что-то мне перестал нравиться наш новый договор, – признался Эйнар. – Давай вернемся к первому. Заплати мне за работу.

Глум покраснел, как кровь, но сидел без движения.

Тогда Эйнар взял ветку, зажег ее в очаге и сказал:

– Похоже, мне придется сильнее погреть тебе спину.

Глум побледнел, как трава, вскочил со скамьи и бросился к выходу. Но Эйнар опрокинул его ударом кулака.

– Ты и вправду кормил меня хорошо. Сил у меня не убавилось, – усмехнулся Эйнар и поднес горящую ветку к лицу Глума.

Тот посинел, как смерть, и замычал из-под тряпки. А Эйнар сказал:

– Покажи, где ты прячешь деньги. Тогда греться не будем.

Глум с руками за спиной и с тряпкой во рту вышел во двор. Эйнар за ним, поддерживая хозяина. Было темно, и люди, которые еще не спали, ничего подозрительного не заметили. Возле сеновала было большое и удобное отхожее место, в которое только Глум заходил, а другим запрещено было пользоваться. В этом нужнике было потайное углубление, а в нем сундук, в котором хозяин прятал свое богатство.

Эйнар отсчитал десять марок серебром.

– Вот я и получил за свою голову, – сказал он, поясом связал Глуму еще и ноги, запер снаружи дверь нужника и вышел со двора.

19 Утром хозяина сначала хватились, затем обнаружили, и тот сразу послал погоню за Эйнаром.

Но Эйнара они не настигли. Тот шел по ночам. А утром вырезал в дюнах полоску дерна и заползал под нее до вечера.

В семи морских милях от Скагена, на берегу другого пролива есть место под названием Каттен. Там часто останавливаются корабли, плывущие из одного моря в другое.

Там через несколько дней после событий, о которых было рассказано, объявился под вечер наголо обритый человек. Разузнав, какой из кораблей плывет на север, он отыскал корабельщика и попросил отвезти его в Северные Страны.

Тут надо сказать, что тогда еще не было названия «Норвегия» (*Северный путь*), и люди называли отдельные местности: Эстфольд, Вестфольд, Агдир, Страна Рогов, Страна Хёрдов и так далее на север, а когда надо было назвать все местности разом, говорили «Северные Страны» или попросту «Север».

Корабельщика звали Ламбертом. Он был фризом, и люди его были из Страны Фризов. Между фризом и пришедшим состоялся такой разговор.

– Как твое имя? – спросил фриз.

– Мое имя Хрольв, – ответил бритоголовый.

– Сколько платишь за путешествие?

– Десять марок.

Ламберт нахмурился и велел:

– Покажи деньги.

Бритоголовый показал. А корабельщик еще сильнее нахмурился, подумал и спросил:

– Почему так много платишь?

– Чтобы ты больше не задавал вопросов, – ответил тот, кто назвал себя Хрольвом, и спрятал деньги в пояс.

Фриз кивнул и ответил:

– Договорились. Спрашивать не буду. Но должен сказать, что вчера ко мне приходили люди из местных. У них бежал раб по имени то ли Хрут, то ли Храпп. Они обещали мне денег, если я помогу им найти беглеца.

– Сколько? – спросил бритоголовый.

– Три марки, – ответил корабельщик. И его собеседник сказал:

– Повторяю: мое имя Хрольв. Я никогда не был рабом и никогда не жалел денег для тех, кто мне помогает. Заметил разницу?

Фриз усмехнулся и ничего больше не спрашивал.

На следующее утро подул попутный ветер, и фризский корабль как раз собирался отчалить, когда к нему подъехали две лодки, и в них дюжины две вооруженных людей. Не спрашивая разрешения, они обыскали корабль, во все мешки и во все бочки заглянули, но никого не нашли. Ни с чем вернулись на берег.

Корабль же вышел на веслах в пролив. И когда уже далеко было до берега, корабельщик велел спустить парус. В свернутом на рее парусе фриз велел на всякий случай спрятать Хрольва-Хрута-Храппа-Эйнара.

Бывалым и ловким был Ламберт, знал разницу в ценах и выгоды старался не упускать.

Эйнарсага 20–41

20 На фризском корабле Эйнар плыл на север. Ветер был благоприятным, и они плыли без затруднений. Эйнар устроил себе под лодкой местечко и почти все время спал, отсыпаясь после тяжелых дней и ночей.

После отплытия он заплатил Ламберту-корабельщику пять марок, а остальные пять они договорились, что Эйнар заплатит перед тем, как сойти на берег.

Покинув пролив, корабль вошел в Широкий фьорд и пристал в Тунсберге. Эйнар не захотел сходить на берег, потому что, по слухам, Вестфольд в те времена подчинялся одному из сыновей Годфреда, датского конунга.

День проторговав в Тунсберге, фризы вечером сели на корабль и поплыли курсом на Каупанг.

Ночью Эйнару приснился сон. На берегу залива к нему подошла медведица, небольшая и совсем не страшная. Она лизала ему руки и говорила:

– Спи спокойно, сынок. Всё будет хорошо у тебя.

Но тут сзади кто-то больно укусил Эйнара за ногу. Эйнар обернулся и увидел большую, свирепого вида волчицу. Волчица схватила Эйнара за рукав и потянула в залив, а с шерсти ее струями текла вода. Эйнар попытался оттолкнуть волчицу. И проснулся.

Проснувшись, Эйнар подумал, что голос медведицы весьма похож на голос его матери, волчица же чем-то напомнила ему Дагед, кормилицу, которая утонула в заливе.

Эйнар вылез из-под лодки. Еще не рассвело. На корме корабля ярко тлели угли в жаровне, и возле нее Эйнар разглядел несколько темных фигур. Эйнар свесился за борт и, перебирая руками, добрался до кормовой надстройки. Там у жаровни сидели Ламберт и еще четыре фриза. Корабельщик шепотом давал им указания и говорил:

– Осторожно приподняв лодку, вы двое сперва свяжите ему ноги, пока он не проснулся. А вы...

Тут с берега потянул предрассветный ветер и отнес в сторону дальнейшие слова. А когда ветер утих, Эйнар услышал, как один из фризов сказал:

– Ну и ловкач ты, Ламберт. Взял с него десять марок за проезд. И еще собираешься выручить за него марки три или четыре.

– Марок за пять продам, – возразил Ламберт. – Я его объявлю рожденным дома рабом. И парень он крепкий. Так что еще раз повторяю.

Тут снова подул ветер и отнес остатки слов.

А Эйнар, перебирая руками, вернулся по борту к мачте, но не стал ложиться под лодку, а лег рядом с ней. И только начало светать, перелез через борт и тихо спустился в воду.

До берега было недалеко. Плавать Эйнар умел.

21 Каупанг Вестфольдский уже тогда был известным всем морякам рынком, в котором торговля прекращалась только зимой.

Придя в Каупанг, Эйнар прежде всего купил себе рыбацкий плащ с большим капюшоном и меч-скрамасакс. На меч он не пожалел оставшихся у него денег. Меч был короткий, отточенный только с одной стороны, гибкий, с удобной витой рукоятью отличной франкской работы.

Фризский корабль из Каупанга уже ушел. И Эйнар стал ждать, припомнив, что торговцы собирались заехать сначала в Агдир, затем в Рогаланд, потом в Хордаланд, но дальше на север плыть не собирались, а намеревались тем же путем вернуться назад.

Ламбертов корабль вновь причалил в Каупанге лишь в начале осени. Оставив на борту небольшую охрану, фризы сошли на берег и принялись торговать.

Ближе к вечеру с юго-запада налетел буйный ветер. Корабельная охрана сошла на берег, оставив на борту одного моряка.

К ночи буря еще сильнее разыгралась. В ночной темноте Эйнар поднялся на фризский корабль, спихнул в воду стражника, потом сбежал по сходням, столкнул их и обрубил швартовы. Корабль понесло от берега. Как только Ламберт и его люди заметили, что корабль уносит, они бросились в лодку, но ветер все крепчал, и им ничего не удалось сделать. Корабль вынесло на середину фьорда, а затем развернуло в сторону левого берега и так сильно ударило о прибрежные скалы, что он раскололся пополам, и все товары посыпались в воду.

– Вот это называется ловко поторговали! – сказал себе Эйнар, спешно покидая Каупанг.

22 В Вестфольде Эйнару нельзя было оставаться, и он вдоль побережья направился в Агдир.

Надо сказать, что Агдир никогда не принадлежал Дании, и мало кто из его жителей умел выращивать лошадей так, как это умели делать даны. На Эйнара скоро обратили внимание, и один из местных любителей лошадей за хорошую плату взял его к себе конюхом. Ухаживая за конями, Эйнар безбедно прожил у него зиму, лето и еще одну зиму.

Эйнар уже давно чувствовал себя в безопасности. Но на всякий случай теперь назывался не Хрольвом, а Храппом, как звали его деда.

23 Однажды случилось Эйнару по каким-то делам быть в Харальдстадире. И там к нему привязались молодые щеголи в дорогих красных нарядах. Сперва они насмехались над его простой и черной одеждой. Эйнар стерпел, хотя в черной одежде ходили его предки и у него самого черный цвет был любимым. Затем, опознав в нем датчанина, они стали ругать Данию и обзывать ее жителей. Эйнар и это снес, не питая к данам добрых чувств. Когда же они принялись вышучивать его черные бороду и усы, Эйнар не выдержал и самому наглomu задире пообещал выбить глаз, если все они не уймутся. А тот в ответ обозвал Эйнара «стродинн». Так называют мужчину, использованного в качестве женщины. Жестокое оскорбление! Тут Эйнар уже не стерпел и ударил обидчика. И было похоже, что одним ударом кулака он выполнил свое обещание.

На Эйнара с разных сторон накиннулись, повалили, скрутили, но бить не стали, а повели к конунгу. Конунгом в Агдире тогда стали считать Хальвдана Черного. Ему было лет восемнадцать.

На беду Эйнара оказалось, что над ним насмехались так называемые дети мужа, которые с детства окружали Хальвдана, а теперь стали младшими воинами в его дружине. Узнав о том, как Эйнар искалечил его любимца, Хальвдан велел своей старшей страже вывести обидчика в хлев и выколоть ему оба глаза. Связанного Эйнара уже потащили к дверям, когда в зал вошла Аса, дочь Харальда Рыжебородого.

Аса была женщиной знаменитой. Гудрёд Охотник когда-то насильно сделал ее своей женой, убив ее отца и брата. Она родила Гудрёду Хальвдана и готовилась родить Олава, когда слуга Асы убил ее мужа, ударив того в темноте копьем. Аса вернулась в Агдир и стала там править во владениях, которые раньше принадлежали ее отцу. Об этом рассказывается в саге о Хальвдане Черном и других сагах. Но в них не говорится вот о чем:

Эйнара, как было сказано, потащили к дверям, чтобы ослепить на скотном дворе. Но тут вошла Аса и спрашивает:

– Кто разрешил хозяйничать в моем доме?

Сын объяснил матери, что дан этот затеял драку, повредил глаз его дружиннику, и за это он, Хальвдан, велел его наказать, лишив зрения. В ответ Аса сказала:

– Скоро отправишься во владения своего отца и там станешь конунгом. А здесь я судья и хозяйка, и здесь я решаю, кому быть с глазами, а кому – без глаз. Развяжите его. Я с ним сама разберусь.

С Асой в Агдире никто не спорил. Эйнара тут же развязали, и Аса увела его в свой дом. У них с Хальвданом были разные дома. У матери – раза в два больше и в три раза богаче, чем у сына.

В доме Аса усадила Эйнара на скамью, села напротив и стала молча разглядывать. Не зная, как себя вести, Эйнар принялся благодарить Асу за заступничество.

– Так не благодарят, – сказала женщина.

– А как мне тебя отблагодарить? – спросил Эйнар.

Аса долго молчала, прямо-таки сверля глазами Эйнара. Потом говорит:

– Здесь тебе нельзя оставаться. Мой сын не простит тебе своего любимчика. Ты поедешь в Гейрстадир. Там ты найдешь Альва, сына Гудрёда. Если после вашей встречи он останется жить, я буду считать, что ты самый неблагодарный из данов.

Теперь молчал Эйнар.

– Я дам тебе в помощь трех крепких молодцов. Больше тебе не понадобится. Альва плохо охраняют, – продолжала Аса.

Эйнар молчал.

– Когда ты всё сделаешь, я с тобой рассчитаюсь. Я щедрая на подарки. Спроси у людей, – говорила вдова старого и мать юного конунга. И Эйнар впервые ответил ей, сказав:

– Не стану я ни у кого спрашивать. И трех молодцов мне не надо. Как-нибудь сам справлюсь. А ты лучше заплати мне за четверых.

Аса нахмурилась и сказала:

– Будем считать, что договорились. Но не советую меня обманывать. У меня руки длинные.

– Я об этом наслышан, – сказал Эйнар. – Но сейчас понял, что они у тебя длиннее, чем многие думают.

В тот же вечер на выданной ему лошади Эйнар уехал из Харальдстадира. За ним до Вестфольда следовали трое конных. Но после то ли отстали, то ли нарочно увеличили расстояние. Как бы то ни было, Эйнар за собой слежки не видел, хотя иногда ему казалось, что не один он едет по дороге в Гейрстадир.

24 Эйнар знал от людей, что Альв был сыном Гудрёда от первой жены. Ему было двадцать два года, и в Вестфольде его считали за конунга. Асе ее пасынок был явно ни к чему, если она хотела посадить в Вестфольде своего родного сына Хальвдана Черного.

Вопреки утверждениям Асы, дом Альва хорошо охраняли. Но через день после того, как Эйнар прибыл в Гейрстадир, по чьему-то указанию сняли охрану у ворот и у восточной, так называемой женской двери, оставив стражу у западного, мужского входа.

С восточной стороны к дому был пристроен хлев. Ночью Эйнар проник в этот хлев. Там стояли коровы, не менее дюжины с каждой стороны. Эйнар сначала связал им попарно хвосты, а потом пошел в жилую часть дома. Засовов на дверях не было.

Прислушавшись и убедившись, что все в доме спят, Эйнар шагнул в зал. Приблизился к нише, где спали Альв и его жена. Дверка спальной ниши была не заперта. Эйнар пошарил в темноте и коснулся рукой груди Альва, который спал с краю. Альв сказал:

– Почему у тебя такая холодная рука, Астрид?

Астрид тоже проснулась и спросила:

– Тебе не спится? Хочешь, я повернусь к тебе?

– Не хочу. Не надо меня трогать, – проворчал Альв.

Эйнар подождал, пока они снова засопели.

А потом опять тихонько коснулся Альва, чтобы не убивать его во сне.

– Ну что тебе от меня надо? – сердито прошептал Альв и отвернулся от Астрид, поворачиваясь лицом к Эйнару.

– Не мне – твоей мачехе, – тихо ответил Эйнар, одной рукой сорвал одеяло, а другой насквозь пронзил Альва, так что острие ножа засело в дереве.

И тут же в темноте несколько голосов закричало:

– Убийство! Держите убийцу!

Эйнар бросился назад к хлеву, перепрыгнул через веревки, которые привязал к коровьим хвостам, а люди, которые бежали за ним и про веревки не знали, все попадали.

Прежде чем прыгнуть в седло, Эйнар с силой рванул его на себя, и оно тут же упало на землю, потому что подпруга была перерезана. Но Эйнар без седла ездил не хуже. Ворота теперь были заперты, и там стояла стража. Но Эйнар на коне перемахнул через забор и скрылся в темноте.

Эйнар эту хитрость с коровьими хвостами первым придумал. А другие потом ею воспользовались: один норвежец и кто-то еще из исландцев. Об этом в других сагах рассказывается.

К Асе в Харальдстадир за наградой Эйнар не поехал. Не по душе ему пришлось многое из того, с чем он столкнулся в Гейрстадире. А тут еще, когда он лег отдохнуть, приснилась ему медведица. У ее лап лежали сокровища: серебряные кубки, золотые обручья и гривны, кожаный чулок с монетами. Ласково смотрела на Эйнара эта медведица, а где-то поблизости выла волчица. Как ни старался Эйнар, не удалось ему увидеть волчицу. Но вой ее был на редкость тоскливым.

Проснувшись, Эйнар отправился не на юг, а на запад, с севера огибая Агдир.

Аса же, когда ей доложили, что нигде не могут найти чернобородого убийцу, так сказала:

– Хитрым оказался датчанин. Хотела с ним еще в хлеву расплатиться. Если отыщете его, в долгу не останусь.

25 К западу от Агдира лежит Рогаланд. Не рассказывается, как Эйнар добрался до него, но деньги у него закончились, и надо было искать работу.

Роги – народ небогатый. Лошадей не разводят. Работы там мало. Эйнар никак не мог найти для себя пристанище.

Есть в Рогаланде местность под названием Хаугесунд. Сейчас она знаменита благодаря Харальду Прекрасноволосому. Но тогда там даже деревни не было, корабли не приставали, а люди жили на хуторах, разбросанных вдоль залива.

Начал Эйнар с самого зажиточного с виду хутора. Но ему отказали в работе и сделали это грубо. На других хуторах в работниках тоже не нуждались. В дальнем конце Хаугесунда, когда Эйнар спросил хозяина, из дома вышла женщина с тремя крепкими слугами. Эйнар махнул рукой и собирался уйти, но хозяйка спросила:

– Что ты тут размахался?

– Увидел твоих молодцов и понял, что работы мне не найдется.

– А тебя как зовут?

– Храпп, – ответил Эйнар. Он ведь был теперь Храппом.

Тут женщина засмеялась. И Храппу-Эйнару этот смех сразу не понравился. Ему как-то тяжело стало на душе.

А женщина, кончив смеяться, сказала:

– Для Храппа у меня непременно найдется работа.

Отослав слуг, хозяйка сказала:

– Возьму тебя, если обещаешь выполнять любые мои поручения.

– Разные бывают поручения, – нахмурился Эйнар.

– Я ставлю условия, какие хочу, – возразила женщина. Эйнар уже несколько дней ничего не ел и ответил:

– Ладно, я согласен.

26 Женщину, у которой Эйнар стал работником, звали Йорунн. Она была вдовой. У нее было семеро рабов, из которых пятеро были мужчинами.

Целую зиму Йорунн кормила и поила Эйнара, не поручая никакой серьезной работы. Когда он пытался помочь кому-нибудь из слуг, хозяйка сердилась и говорила, что не его это дело.

Слуги у Йорунн были мрачными и немногословными. У них ничего нельзя было выведать. Лишь ключница однажды проговорила, сообщив Эйнару, что хозяйка, когда овдовела, хотела выйти замуж за хозяина дальнего хутора, с Каменного мыса. Но тот взял себе жену из Авальдснеса, а Йорунн отказал, надсмеявшись над ней. Звали этого человека Храпп.

– Мы все удивлены, что она наняла тебя. Имя Храпп для нее так же ненавистно, как для Тора имя Мирового Змея.

Однажды весной Йорунн позвала Эйнара и сказала:

– У меня семь работников. А у моего дальнего соседа, который носит твое имя, их целых десять. Ты меня понял?

Эйнар признался, что не понял. А Йорунн улыбнулась и сказала, что будет теперь размышлять, действительно Эйнар не понял или прикидывается.

Через несколько дней, встретив Эйнара на дворе, Йорунн засмеялась тем самым недобрым смехом, которым смеялась осенью, когда нанимала Эйнара на работу. А кончив смеяться, сказала:

– Хватит бездельничать. Есть у меня теперь для тебя работа. Пойдешь и убьешь одного из рабов Храппа.

– Разве я похож на убийцу? – спросил Эйнар.

– Волосы у тебя, действительно, светлые. Но усы и борода-то чернющие! – Так ответила Йорунн.

– Подобные дела за одни харчи не делаются, – сказал Эйнар.

– Конечно. За работу получишь награду.

Эйнар вспомнил про Асу из Агдира и сказал:

– Заплатишь вперед.

А Йорунн, вновь засмеявшись:

– Говоришь, не похож на убийцу! – И тут же рассчиталась с Эйнаром, хорошо ему заплатив.

– Тебе все равно, кого я убью? – спросил Эйнар.

– Только хозяина не трогай. Он хоть и нагрубил тебе осенью, когда ты к нему нанимался, но негоже, чтобы Храпп убивал Храппа.

Той же ночью Эйнар отправился на Каменный мыс и там на выгоне убил Храппова пастуха, сначала проломив ему череп дубиной, а потом разодрав ему в нескольких местах тело концом топора. Труп он ничем не прикрыл.

Когда раба обнаружили, стали говорить, что, судя по всему, его изломал медведь.

27 В начале лета на поле, на котором паслись овцы Йорунн, нашли мертвым одного из ее рабов. Те же следы, похожие на лапы медведя.

– Здесь отродясь не было медведей, – сказала Йорунн и ходила грустной. А через несколько дней засмеялась и сказала Эйнару:

– Пойдешь на луг Сторольва. Там обычно работает Осгейр, работник Храппа. Это он убил моего раба.

– Что я должен с ним сделать? – спросил Эйнар.

– Такой злодей, а еще спрашиваешь, – ответила Йорунн и продолжала смеяться.

– Эта услуга тебе обойдется дороже, – сказал Эйнар. – Храпп теперь вооружил своих рабов, и они ходят по двое.

Не успел он это сказать, как Йорунн надела ему на руку серебряное обручье весом в полмарки.

– Я сделаю то, что ты мне велишь. Но учти: этой веревочке у вас с Храппом теперь виться и виться, – сказал Эйнар.

– Для этого я и наняла плетельщика веревок, другого Храппа, – ответила Йорунн.

Той же ночью Эйнар отправился на Сторольвстадур и нашел там Осгейра и с ним молодого работника. Оба спали на поле. Эйнар растолкал Осгейра древком копья. Тот вскакивает и только хочет схватиться за меч, как Эйнар наносит ему удар копьем и убивает. Тут просыпается молодой работник, видит Эйнара, становится белым, как трава, и говорит:

– Не убивай меня. Я ведь ничего плохого тебе не сделал.

– Не сделал, так сделаешь, – отвечает Эйнар.

– Я никому не скажу. Обещаю.

– Конечно, не скажешь, – говорит Эйнар и протыкает его копьем, так что тот сразу испускает дух.

Вернувшись к себе на хутор, Эйнар лег спать. Во сне его как будто кто-то душил. Эйнар сперва не мог понять, кто его душил. А потом изловчился, скинул с шеи чужие руки и увидел перед собой молодого работника, которого он убил в поле. И мертвец ему говорит:

– Меня звали Эйнар, как и тебя. А ты взял и убил меня. Я не могу отнять у тебя жизнь, как ты ее у меня отнял. Но в моей власти сделать так, что отныне твоим уделом будут скитания и убийства. Тебя объявят вне закона, и одиноким ты будешь жить на чужбине.

Тут Эйнар проснулся. Он наскоро оделся, собрал и связал в узел свои пожитки. Из вещей Йорунн он взял копье и длинный нож, привесив его на короткой цепочке к поясу. Своего оружия у него не было.

Утро только начиналось. С хозяйкой Эйнар прощаться не захотел.

28 К концу лета Эйнар пришел в Хордаланд. Там правил Эйрик, отец Гюды, той самой, которая отказала Харальду, сыну Хальвдана, прозванному Прекрасноволосым. Но Гюда и Харальд тогда еще не родились.

Конунг Эйрик жил в Арне. А самым большим поселением в Хордаланде был тогда не Бьёргюн, а место под названием Осейр на берегу Медвежьего фьорда. Туда часто заходили корабли, плывшие с юга на север и с севера на юг. В этом селении и поселился Эйнар. Не зная, чем кончилось дело в Хаугесунде, и опасаясь, что его могли объявить вне закона на тинге в Рогаланде, он вновь изменил имя и стал называть себя Хрутом, по имени прадеда.

В доме, который сразу приглянулся Эйнару, потому что стоял он на берегу в стороне от других домов, и оттуда открывался красивый вид на фьорд и его острова, в том доме жил человек по имени Торгрим. Жену его звали Хильдигунн. Оба были рачительными хозяевами и благожелательными людьми.

Эйнар нанялся к ним работником и старательно выполнял всё, что ему поручали.

Когда следующим летом он наловил так много трески, что все в Осейре дивились его удаче, Торгрим сделал его своим компаньоном, отвел ему отдельное помещение в длинном доме и поручил управлять всеми своими рабами и слугами.

29 У Торгрима была лошадь по кличке Дура. Ее запрягали в повозку и возили разные грузы. Для верховой езды она была непригодна. Но Эйнар разыскал в дальней округе жеребца, спарил его с Дурой, и когда кобыла разродилась, решил растить жеребенка так, чтобы на нем можно было ездить верхом.

Нужна была сбруя. И Эйнар, когда в Осейр прибыл с юга торговый корабль, отправился на пристань.

Один моряк с корабля предложил ему очень хорошую сбрую. Бронзовые скрепления сбруи были украшены медвежьими головами, телами и масками других животных. Эйнар поинтересовался, из каких краев это изделие. Моряк ответил: из Дании. Эйнар спросил, не знает ли торговец имени мастера. И услышал в ответ:

– Как мне не знать, когда я его брат! Звали его Вечерний Эйнар, сын Храппа. Знаменитым был кузнецом.

Эйнар, ясное дело, обмер. А торговец спрашивает:

– Так берешь или не берешь? Похоже, упряжь тебе понравилась. – И назвал цену.

Эйнар молчал. Лицо его ничего не выражало.

– Вижу, цена тебе не под силу. Но дешевле не могу уступить.

Тут к Эйнару вернулся дар речи, и он сказал:

– Мое имя Эйнар. Квельдэйнар был мне родным отцом. А ты мне, выходит, дядя. Мы с тобой никогда не встречались. Тебя Хорик зовут?

Теперь обмер и не мог вымолвить ни слова торговец.

А когда пришел в себя, позвал Эйнара на корабль, пригласил в шатер и велел принести еды и браги. На корабле Хорик был главным.

Дядя и племянник пили и ели до самого вечера. И вот что Эйнар узнал о смерти отца.

За день до своей кончины Квельдэйнар с работником возвращались из кузницы. Там по лугу обычно расхаживал старый козел.

– Странно, – сказал Квельдэйнар.

– Что странно? – спросил работник.

– Мне кажется, что козел лежит на пригорке и весь в крови.

Работник сказал, что никакого козла там нет.

Когда вошли во двор, Квельдэйнар сказал:

– Верно, я видел своего духа-двойника, и жить мне осталось немного.

Работник стал убеждать его в обратном, но Эйнар ударил его в ухо и прогнал.

Ночью штормило, и во дворе не стихал собачий лай.

Утром Квельдэйнар сказал своей жене Бере:

– Когда я умру, проткните меня копьем. Чтобы я мог попасть в чертоги Одина.

До полудня Квельдэйнар не покидал постели, ему нездоровилось. Потом ему полегчало, он поел и пошел на работу в кузницу. Там он мастерил наконечник копья. Он никак не мог удовлетвориться своей работой, несколько раз переделывал наконечник. И вдруг как закричит:

– Не сделаете! Знаю я вас! Вы не люди, а суки. Пусть тролли вас заберут! Я сам! Я сам!

С этими словами он попытался воткнуть наконечник копья себе в грудь. Но металл еще не остыл, обжег и выпал из рук. Кузнец же сначала схватился руками за горло, захрипел, а после упал навзничь и умер.

Умершего положили в главном доме.

Ночью слуга слышал, как труп приподнялся на постели и сказал:

– Позовите Беру.

Он повторил это три раза. После третьего раза слуга разбудил Беру и рассказал ей о том, что видел и слышал.

Бера пришла, подошла к скамье, на которой лежал покойник, села на стул и спросила:

– Чего ты хочешь?

Труп лежал недвижно и безмолвно, как положено трупу. Но когда Бера собиралась уйти, она услышала:

Дров не жалейте.

Пусть дым поднимается выше.
В чертогах Гримнира
место достойное
должен занять я.

Такую вису, по словам вдовы, произнес напоследок умерший Квельдэйнар.

Когда его хоронили, дров не жалели. Но дул сильный ветер, и дым от костра полз по земле в сторону кузницы. Бера так огорчилась, что, приготовив поминальный пир, оставила гостей за столами, а сама ушла и легла в постель.

Ночью она умерла.

Когда хоронили Беру, погода была безветренной, и дым от костра поднимался так высоко, что конца его не было видно.

Так рассказывал Хорик, который хоронил брата, а потом его жену.

Когда он кончил свой рассказ, Эйнар сказал:

– Волком жил. Волком и умер.

Хорик согласился, что Квельдэйнар человеком был тяжелым. Но жену его, Беру, стал хвалить за доброту и терпение. Эйнар слушал дядю и молча пил брагу.

Тогда Хорик стал спрашивать племянника о том, как он жил все эти годы. Но Эйнар ничего путного о себе ему не поведал.

После этого Хорик предложил Эйнару вместе с ним вернуться в Данию. Дядя сообщил племяннику, что хутор, на котором оба они когда-то появились на свет, теперь принадлежит ему, Хорику, как брату владельца, но если вернется Эйнар, сын покойного, Хорик уступит ему половину, а может и весь хутор отдать, так как у него, у Хорика, есть два других владения, одно неподалеку от Хедебю, другое в Роскилле на острове Зеландия.

Эйнар поблагодарил Хорика, но сказал, что сейчас у него много работы у хёрдов. Чем он тут занят, Эйнар, однако, не сообщил, как ни старался об этом проведать Хорик.

На прощание дядя подарил племяннику упряжь, которую изготовил Квельдэйнар.

30 На следующее утро Эйнар взял лодку, переправился на один из небольших островов посреди Медвежьего фьорда, отыскал среди деревьев широкий плоский камень и принес на нем поминальную жертву своей матери, Бере.

После этого он вернулся к лодке и уже собирался отплыть, но передумал, нашел на берегу другой плоский камень и принес на нем жертву отцу, Квельдэйнару.

Когда потом он поплыл обратно, показалось ему, что посреди фьорда прямо на воде стоит стул, на нем сидит пожилой человек с длинными белыми волосами и играет на арфе.

Вернувшись домой и встретив во дворе Торгрима, Эйнар сказал:

Горькие дни потянулись
под пологом гор
для Эйнара сына.

– Никак стихами заговорил? – удивился хозяин.

– Разве это стихи? – ответил Эйнар.

Как-то раз осенью, когда еще не выпал снег, поднялась вьюга. Эйнар вышел из дома и сказал:

Снежит среди лета.
Мы, как финны, ланей,
лакомых до лыка,
оставили в стойлах.

Хильдигунн, хозяйка, которая это слышала, воскликнула:

– Как красиво!

– Вот отец мой тот действительно красиво слагал, – ответил Эйнар.

Торгрим и Хильдигунн еще сильнее привязались к Эйнару, узнав, что их управляющий еще и скальд.

31 Эйнар прожил в Осейре еще одну зиму и одну весну.

А летом ему от рыбаков стало известно, что прошедшей зимой в Арне какие-то агдирцы разыскивали чернобородого и светловолосого человека по имени Храпп. И, судя по всему, такого же человека ищут теперь в Бьёргюне люди из Рогаланда.

Как только Эйнар об этом узнал, он покинул Осейр. Меньше всего ему хотелось подвергать опасности Торгрима и Хильдигунн.

32 На корабле трэндов Эйнар отправился в Трандхейм.

Ветер им благоприятствовал, ночи были светлыми, и они плыли на север вдоль берега днем и ночью, редко причаливая на стоянки.

Лишь один раз поднялась буря, и корабль стал давать течь. Тогда на морских кораблях не было желобов для откачки воды, и воду черпали бадьями или кадками. Эйнар спустился на днище и черпал воду бадьей, а двое моряков поднимали и сливали воду. За этим занятием Эйнар сказал такую вису:

Весело бывает
спорить с бурей в море,
ветры парус вздутый,
разъярясь, терзают.

И тут же сверху услышал в ответ:

Мчится конь кормила.
Пусть кипят под килем
волны. Пенным этим долом
мы ладью гоняем.

Эйнар поднял голову и увидел, что бадью тянет молодой человек, которого все звали Торбьёрн.

– Я не знал, что ты умеешь слагать стихи, – сказал Эйнар.

– А я не знал, что ты тоже скальд, – сказал Торбьёрн.

С тех пор они делились пищей и иногда, чтобы скоротать время и развлечь спутников, обменивались стихами: обычно Эйнар начинал вису, а Торбьёрн ловко подхватывал и искусно завершал.

33 Ярлом в Трандхейме был тогда Грьотгард, сын Хакона. Усадьба его была в Ирьяре. У Грьотгарда был сын по имени Хакон. В ту пору ему было семнадцать лет. Через некоторое время у него родится дочь по имени Аса, та самая, которая станет потом женой Харальда Прекрасноволосого.

Когда Эйнар и Торбьёрн приплыли в Трандхейм, Торбьёрн предложил:

– Ты – скальд, и я – скальд. Наймемся на службу к ярлу Грьотгарду. Мне говорили, что у него в дружине нет скальдов.

– Я уже был однажды на службе у конунга. С меня хватит, – ответил Эйнар.

На прощание Торбьёрн произнес такую вису:

Светлые, завидят
из окон нас жены,
как, пыля, протопчем
к Грьотгарду дороге.
Скакунов ретивых
пустим вскачь, пусть слуха
дев их бег достигнет
в дальних домах, добрых.

Эйнар усмехнулся и сказал:

– Здесь и лошади не найдешь.

– У настоящего скальда всегда есть лошади, – ответил Торбьёрн.

Пройдет время, и этот попугчик Эйнара станет любимым скальдом Харальда Прекрасноволосого, Торбьёрном Хорнклови. Саги о нем будут рассказывать.

34 Эйнар обошел восточное побережье Трандфьорда, от Ирьяра до окрестностей Стиклекстадира. Ему приглянулось место под названием Винге, и он там решил поселиться. Он теперь жил под своим настоящим именем.

В Винге жил человек по имени Асбьёрн. У него было хорошее хозяйство. Эйнар арендовал у него луг с хижинкой. Хижина была тесной, ее крыша держалась на одной только балке, которая лежала на стенах, и концы балки выдавались наружу. Крыша состояла из одного слоя дерна, и он еще не сросся.

Эйнар приобрел телят и козлят и стал за ними ухаживать. Он так хорошо за ними смотрел, что все животные пережили зиму, и можно было подумать, что, как говорится, у каждого прямо по две головы. У других жителей Винге, однако, тогда погибло много скота, у Асбьёрна в том числе. Зима выдалась суровой.

Жену Асбьёрна звали Асгерд. Она была женщиной красивой, сладкоречивой, но завистливой и капризной. Она беспрестанно требовала от мужа то, что случалось ей видеть у соседей.

Однажды – это было до приезда Эйнара в Трандхейм – Асгерд попросила Асбьёрна купить ей какие-то украшения. Асбьёрн ответил, что она давно уже не знает меры. Асгерд обругала мужа, а тот не сдержался и ударил жену по щеке. Он был человеком вспыльчивым. Тогда Асгерд сказала Асбьёрну:

– Ты дал мне то, чем мы, женщины, считаем очень важным обладать, а именно хороший цвет лица.

Асбьёрн тяжело переживал свой поступок и купил жене вдвое больше украшений, чем она просила.

Теперь же, узнав об удаче Эйнара, Асгерд сшила рубашку с глубоким вырезом и преподнесла ее Асбьёрну.

– Это женская рубашка, – сказал Асбьёрн. – И вырез у нее такой, что, если я стану носить ее, тебе будет достаточно объявить о разводе со мной. Ты этого добиваешься?

– Не все ли равно, что ты носишь, – ответила Асгерд. – Твой новый арендатор одет намного скромнее тебя. Но ему сопутствует удача, потому что он, в отличие от тебя, настоящий мужчина.

Тут Асбьёрн снова вспыл и ударил жену по лицу так, что потекла кровь.

– Второй раз ударил. И на этот раз для моего лица неудачно, – сказала Асгерд.

На следующий день Асгерд пришла к Эйнару и говорит:

– Я назвала тебя настоящим мужчиной, и за это муж мне разбил лицо. Видишь?

– Как тут не увидеть, – соглашается Эйнар.

– Лицом я пока нехороша, – продолжает Асгерд, – но тело у меня белое и молодое. Не хочешь меня утешить?

Эйнар отвечает ей висой:

Черен ворон Хугин,
но он ворон Грима
и несет удачу.
Белый лебедь Скёгуль
видом лишь прекрасен,
нить нам обрывает.

Асгерд стихи не понравились. Она нахмурилась и сказала:

– Я из-за тебя пострадала. Неужели за меня не заступишься?

– Кто ты мне такая, чтобы за тебя заступаться? Разбирайся сама со своим мужем, – сказал Эйнар.

– Не ожидала я такого ответа, – сказала Асгерд и ушла.

35 Дела у Эйнара шли хорошо, и летом он решил строить себе дом, небольшой, но прочный и удобный.

Он только начал строительство, когда пришел Асбьёрн и так повел речь.

– Зря ты это затеял, – сказал Асбьёрн. – Я не буду продлевать с тобой аренду. Нехорошие про тебя ходят слухи. Говорят, ты кого-то убил.

– Ты меня с кем-то спутал, – сказал Эйнар.

– Нет. Больно уж ты приметный. Не хочется мне из-за тебя рисковать.

Эйнар нахмурился и ответил:

– Срок аренды еще не истек.

– Не истек, – согласился Асбьёрн. – Но я счел своим долгом заранее предупредить тебя, чтобы ты успел распорядиться своим стадом. Потому что, если ко мне придут, я не стану нарушать закон и тебя покрывать.

На следующий день к Эйнару пришла Асгерд и сказала:

– Как только про тебя поползли слухи, мой муж хотел сразу тебя схватить, а твой скот присвоить себе. Но я его припугнула, сказав, что если он так с тобой обойдется, я уйду от него и заберу нашего сына.

Эйнар молчал. И Асгерд прибавила:

– Похоже, ты был неправ, когда не захотел за меня заступиться.

– Чего ты хочешь? – спросил Эйнар.

– Дело, Эйнар, такое ясное, что едва ли стоит раздумывать, – сказала Асгерд.

После этого разговора Эйнар перестал строить дом, а скот начал распроывать по соседям. Люди охотно у него покупали. Все смотрели приветливо. И Эйнар все меньше верил в то, что в Винге стало известно про его похождения в Агдире и Рогаланде. Он перестал торговать скотом и собирался съездить в Ирьяр, чтобы расспросить людей и изучить обстановку.

Но тут к нему снова пришла Асгерд и сообщила:

– Завтра утром Асбьёрн поедет на дальний выгон. Он поедет один. Слуги уже уехали.

– Теперь я понимаю, за что Асбьёрн тебя ударил, – сказал Эйнар.

– Главное, чтобы ты понимал, что лучшего случая не будет, – сказала Асгерд. – Сам посуди: нынешняя зима принесла нам немало убытков, сельдь в это лето прошла мимо. А тут он и за тебя деньги получит, и скот ты еще не весь продал. Боюсь, не удержится Асбьёрн. Он жадный.

36 На следующий день рано утром Эйнар вышел на дорогу, ведущую на выгон, сел на камень и стал дожидаться Асбьёрна. Убивать его он не собирался. Он и меч привесил не к поясу, а сзади, на спину, откуда труднее достать.

Через некоторое время явился Асбьёрн. Асгерд не обманула, он был в одиночестве. В руке он держал копьё, на поясе у него висел длинный северный меч.

Помахивая руками и тем самым показывая, что в них нет никакого оружия, Эйнар двинулся ему навстречу и сказал:

– Хочу предупредить тебя, Асбьёрн. Твоя жена требует, чтобы я убил тебя. Думается мне...

Асбьёрн не дал ему договорить.

– Ну, это тебе не удастся, злодей! – крикнул Асбьёрн и хотел ударить Эйнара копьём, но тот подпрыгнул, расставив ноги, так что копьё воткнулось в землю, а Эйнар прыгнул на древко и сломал его.

– погоди! – крикнул Эйнар. – Давай разберемся.

– Я так и разбираюсь с убийцами, – ответил Асбьёрн, выхватил из-за пояса меч и попытался ударить им Эйнара по ноге. Тот отдернул ногу и повернулся на пятке, так что Асбьёрн промахнулся. Концом своего меча он, однако, порвал Эйнару штанину и до крови поцарапал левую ногу. После этого он снова хотел ударить Эйнара, на этот раз по шее. Но Эйнар успел достать свой меч, встретил удар ударом, меч Асбьёрна отскочил, а Эйнар не стал больше испытывать судьбу, взмахнул мечом и рассек Асбьёрну голову до самых плеч.

Вернувшись в Винге, Эйнар разыскал Асгерд. Она сидела за пряжей в своей горнице. Глянув на Эйнара, Асгерд спросила:

– Какое теперь время дня?

Эйнар ответил, что сейчас уже полдень. Тогда Асгерд сказала:

– Большие дела мы совершили: я успела напрясть пряжи на двенадцать локтей сукна, а ты, похоже, отучил Асбьёрна бить меня по лицу.

Они помолчали. И Эйнар спросил:

– Это ты сказала мужу, что меня ищут за убийство?

Не отрываясь от работы, Асгерд ответила:

– Какая разница?

Еще помолчали. И Эйнар снова спросил:

– Ты это придумала?

Не глядя на него, Асгерд ответила:

– У тебя такая черная борода, что и придумывать не надо.

Опять помолчали.

– До сих пор у меня перед глазами стоял только один покойник, – сказал Эйнар и тяжело вздохнул.

Тут Асгерд наконец посмотрела на него и, улыбнувшись, ответила:

– Спи спокойно. Уж я-то знаю, как решить это дело.

Когда Эйнар шел к себе на луг, лицо у него было багровым, как кровь.

37 Ночью Эйнару приснилось:

Гонит он скот по дороге и видит, что из леса выходят медведица и волчица. И странное дело: шкура на медведице вроде бы волчья, а на волчице – будто медвежья. Вот и весь сон.

Проснувшись, Эйнар долго не знал, как ему этот сон истолковать. А потом разбудил своего слугу Боси и велел ему собирать скот, чтобы гнать его в Стьордаль, где тогда была ярмарка. Боси ушел и долго где-то возился, а потом вернулся и сказал, что все готово к походу на рынок.

Едва они тронулись в путь, Эйнар сказал:

– Ты мне хорошо служишь, Боси. И я у тебя в долгу.

С этими словами Эйнар скидывает с себя синий плащ и говорит:

– Хочу подарить тебе этот плащ, дружище! И можешь сразу надеть его.

– А ты как же? – спрашивает Боси.

– А я пока в твоём плаще похожу, если не возражаешь, – отвечает Эйнар.

Плащ у Эйнара был новый и дорогой, и Боси, ясное дело, не возражал. Он надевает на себя плащ и очень пыжится, считая, что одет превосходно. Он идет через лес впереди стада в синем плаще, как гордый хозяин, а Эйнар подгоняет сзади коз и скотину и видом похож на раба или на вольноотпущенника.

Тут вдруг из-за деревьев им наперерез выскакивают люди с мечами и копьями, и один из них грозно кричит:

– Попался! От нас не уйдешь!

Завидев их, Боси что есть прыти пускается бежать в противоположную сторону. Они же стремглав бегут за ним и кричат ему во всю глотку. А Боси не откликается и бежит со всех ног. Один из преследователей бросает в него копье. Удар пришелся между лопаток и был такой силы, что Боси упал ничком, смертельно раненный. Те, кто за ним гнался, подходят к нему, откидывают с его лица синий капюшон и начинают ругаться между собой, видя, что не того убили.

А Эйнара уже и след простыл.

Скот и убитого они забирают и гонят обратно в Винге.

Когда они рассказали о случившемся Асгерд, она сказала:

– Люди говорят, что у раба большое сердце, которое постоянно трепещет от страха. А я добавлю: у раба ум, как вот этот мой палец. – И она показала им свой мизинец. – Я обещала вам свободу и денег, если вы убьете убийцу моего мужа. А вы вместо него убили Боси, который был моим человеком и следил за Эйнаром. Теперь будете работать каждый за двух рабов.

38 В это время в Трандхейме у Барда Черного гостил человек по имени Харек, по прозвищу Ищейка. Его так прозвали потому, что лучше его никто в Северных Землях не умел отыскивать объявленных вне закона. Во всех фюльках, от Вестфольда до Финнмарка, у Харека были свои люди.

Прознав про то, что этот Харек Ищейка гостит у Барда Черного, Асгерд послала к нему одного из своих родичей и Торкеля, брата убитого Асбьёрна. Они сулят Хареку три сотни чистого серебра, если он не пощадит сил на поиски Эйнара. Тот берет серебро и обещает постараться. С собой у него было человек десять, и еще двадцать он нанимает в окрестностях Трандфьорда, в их числе тех, кто был знаком с Эйнаром. Он также посылает некоторых из своих помощников в Северный Трандхейм, чтобы они там расспрашивали и разыскивали.

39 О том, что за ним гонятся, Эйнар узнал из сна. Но что это был за сон, в саге не говорится.

Эйнар принял разные меры предосторожности. Он сбрил бороду, но усы пожалел и не тронул. Он раздобыл себе серый плащ и завернулся в него поверх одежды. Он ночевал в ямах или в пещерах.

Когда в Северном Трандхейме Эйнар почувствовал, что погоня близка, он повел себя так, как ведут себя некоторые животные: они стараются не упускать из виду хищника, чтобы тот не мог напасть на них их засады. Так и Эйнар с большого расстояния тайно наблюдал за Хареком и его людьми, а потом, ненадолго обнаружив себя, делал вид, что бежит на север, а на самом деле шел на запад или на восток. Или показывал, что поднимается в горы, а когда его закрывал откос, поворачивал вниз и прятался, пережидая погоню.

Так, скрываясь и виляя, Эйнар добрался до земли, которая теперь называется Халогаланд, а тогда называлась Халейгаланд, потому что там жили халейги, и правило там несколько мелких конунгов, из которых самым известным был род Хьёлги.

Харек Ищейка, однако, был человеком проворным, зорким и хитрым. В одном из селений он раздобыл собак и с их помощью чуть было не настиг беглеца.

По счастью, неподалеку был берег моря. Эйнар снял меч и отломил от древка наконечник копья. Древко он бросил в море, а оружие завернул в плащ и привязал плащ к себе за спину.

Потом он ступил в воду и поплыл. И только он это сделал, как на берег вышли Харек Ищейка и с ним человек десять. Один из них сказал:

– В такой холодной воде он долго не протянет и скоро утонет.

– Этот, похоже, не утонет, – возразил Харек. – Но даже если утонет, надо искать лодку.

Нам платят за голову.

Эйнар не утонул, но почти совсем обессилел, когда добрался до острова.

Лодку преследователи нашли лишь под утро, и Эйнару удалось отдохнуть и обсохнуть возле костра.

Когда лодка подходила к острову, Эйнар спрятался в кустах. Харек с людьми причалили, высадились и отправились на поиски по трое, а три человека остались охранять лодку.

И вот, когда холм заслонил лодку от преследователей, Эйнар встал и направился к ней. Те, которые ее охраняли, заметили его только тогда, когда он подошел совсем близко. Одного из них Эйнар сразу пронзил копьем – древко к наконечнику он успел сделать еще ночью. Второй бросился бежать и стал карабкаться по склону, но Эйнар взмахнул мечом и отсек ему ногу. Третий же прыгнул в лодку и стал багром отталкиваться от берега. Тогда Эйнар за канат притянул лодку к себе и вскочил в нее. После короткой схватки Эйнар убил человека Харека и сбросил его за борт. Он взялся за весла и поплыл прочь от острова.

Он плыл весь день и всю ночь, не останавливаясь, пока не приплыл в Кунну. В Кунне он только переночевал, а потом отправился дальше на север к Соленому фьорду.

40 Между тем наступила зима. В Халогаланде зимы намного холоднее, чем в Трандхейме.

На северном побережье Соленого фьорда есть селение с названием Бодо. Тогда там было лишь несколько хуторов. В одном из них жил человек по имени Кальв. Он был халейгом, но торговал с финнами, и у него было стадо из двадцати оленей. За этими оленями и подрядился присматривать Эйнар – ему было необходимо у кого-то перезимовать.

Йоль миновал. В середине месяца гои принесли кровавые жертвы. Когда сошел снег, отпраздновали Весеннего Одина.

И тут вдруг в окрестностях Бодо объявляется Харек Ищейка, а с ним много людей и несколько собак.

Эйнар рассказал Кальву, что за ним гонятся, и собирался бежать, но не успел, потому что Харек разделил свой отряд на группы и велел обыскивать все хутора в Бодо. Одна из них окружила двор Кальва.

Эйнар вооружился и приготовился к битве. Но Кальв сказал:

– Даже если ты убьешь этих молодчиков и убежишь, придут остальные и сожгут мой дом.

Будто я не знаю, как это делается.

Сказав это, Кальв повел Эйнара в горницу, где была его жена. Звали ее Скроппа. Она была недурна собой, но уж очень сварливая, сущая ведьма. И Кальв говорит ей:

– Я собираюсь положить к тебе в постель Эйнара.

Скроппа начинает браниться, но Кальв просит ее поберечь силы. Он снимает все постели, велит Эйнару лечь в солому и снова стелет поверх него, а сверху велит лечь Скроппе.

Та ругается пуще прежнего. А Кальв говорит ей, что если она не ляжет на постель поверх Эйнара, то люди, которые скоро войдут, сожгут и ее вещи, и ее дом, и ее самое.

Эти слова на Скроппу подействовали. И едва она успела улечься, как раздался громкий стук в дверь.

– Вот теперь ругайся на чем свет стоит. Наконец-то от твоей ругани будет польза, – говорит жене Кальв и идет открывать дверь.

Входят четверо вооруженных людей. Оттолкнув Кальва, они начинают обыскивать дом, стуча дверями, отшвыривая стулья и скамьи, хлопая крышками сундуков. А в спальне лежит Скроппа и спрашивает, что это там за гам и что за болваны не дают людям покоя. Кальв велит ей утихомириться, но она не скупится на ругательства, некоторые очень грязные.

Потеряв терпение, один из пришедших говорит Кальву:

– Если твоя гадюка не замолчит, я ее удавлю. Клянусь Улл ем!

Кальв ему отвечает:

– А я клянусь всеми богами, что я тебе за это по гроб буду обязан!

Скроппа же, услышав их разговор, в гневе осыпает их такую бранью, что они надолго запомнят. И пришедшие стараются побыстрее закончить обыск и поскорее уйти от ниши, в которой лежит Скроппа, из зала, в котором находится ниша, из дома, в котором они встретили Кальва с его ведьмой.

41 У Кальва в хозяйстве было две лодки: одна небольшая, шестивесельная, другая – побольше, на восемь скамей, с небольшим парусом.

К северо-западу от Бодо в миле от берега лежит небольшой островок, у которого до сих пор нет особого названия, и все называют его просто Островком. К этому Островку, когда стемнело, Кальв послал на двух лодках четырех своих слуг. На двух лодках уплыли, на одной, что поменьше, вернулись. В эту лодку, когда рассвело, уселись Кальв с Эйнараром и поплыли к Островку. Там они сняли с лодки настил, вынули скамьи, весла и все, что там не было закреплено, перевернули лодку и пустили ее по волнам. А сами сели в лодку побольше, которую там оставили слуги, и, подняв парус, направились дальше на северо-запад, в сторону Лофотенских островов. Больше их в Халогаланде не видели.

Кто-то из людей Харека заметил, как ранним утром Кальв и Эйнарар отплыли к Островку. Снарядили погоню, но наткнулись на перевернутую и разбитую лодку. Тут многие стали говорить, что Кальв и Эйнарар, похоже, утонули. Но Харека Ищейка решил проверить. Он отправился на двор Кальва и зашел в дом.

Скроппа встретила его с топором в руках и с искаженным от злобы лицом. Обрушив на Харека отборную ругань, она стала обвинять его в гибели мужа и обещала самыми страшными заклятиями проклясть и людей Харека, и его самого, и весь его, Хареков, род.

– Я сейчас велю накинуть тебе на голову мешок и забить тебя камнями, – сказал Харека Ищейка, но поспешил выйти из дома, пока Скроппа и вправду не начала его проклинать.

Люди рассказывают, что часть своих людей Харека отправил по домам, а с оставшимися некоторое время ожидал, не всплывет ли труп Эйнарара и не прибьет ли его к берегу.

Ни в этой, ни в другой саге не упоминается о том, как Харека отчитался о своей работе перед нанявшими его. Однако в саге о Хальвдане Черном рассказывается, как Харека – у него теперь было другое прозвище, Волк – по приказу конунга Хальвдана отправился в Хадаланд, отнял у Хаки-берсерка Рагнхильд, дочь Сигурда Оленя, привез ее в Хейдмёрк к Хальвдану Черному, а тот на ней женился, и она родила на свет Харальда Прекрасноволосого.

Это произошло всего через несколько лет после того, как Эйнарар бежал от Харека на Лофотены.

Эйнарсага 42–54

42 Лофотенские острова протянулись с юга на север на многие десятки морских миль. Как будто громадный дракон поднялся из глубин, высунул на поверхность бугристый хребет, и от ветра и холода острия и клинья на его длинной спине окаменели и превратились в горы и скалы. Так говорят про Лофотены люди, которым довелось увидеть эти северные острова. А те, которые до этого побывали во многих странах, добавляют, что, пожалуй, нет в круге земном места более красивого и таинственного и что Лофотены прекрасны во все времена года: и весной, и летом, и осенью, и зимой.

Эйнарар и Кальв прибыли на Лофотены в середине весны, когда Западный фьорд уже полностью очистился ото льда, но снег в горах еще не совсем растаял.

Они сошли на берег, Кальв остался сторожить лодку, а Эйнар решил подняться на холм, чтобы оттуда оглядеть округу.

На вершине холма сидели у яркого костра несколько слуг с большими собаками. Эйнар заговорил со слугами и спросил, откуда они и почему сидят здесь с собаками. Один из слуг спросил в свою очередь:

– Ты разве не знаешь?

– Не знаю. Я прибыл с материка.

Сидевшие у костра переглянулись, и другой человек сказал:

– По острову ходит волк. Он убивает скот. Мы сторожим здесь каждую ночь наших коз и овец, укрытых в загоне.

– Хорошее дело. А что ж вы не убьете этого волка? – спросил Эйнар.

Слуги опять стали переглядываться и молчали, пока еще один, самый молодой из них, не сказал:

– Ты человек видный. Может, ты убьешь?

– Может, и убью, – ответил Эйнар.

Тут слуги пригласили его присесть к огню и предложили еду. Но Эйнар отказался, сказав, что хочет засветло добраться до какого-нибудь жилища. Молодой вызвался его проводить. Они спустились к лодке, сели в нее и, немного проплыв вдоль берега фьорда, свернули в залив, в котором за несколькими скалистыми островами виднелась широкая коса, а на ней – дома и деревня. Она называлась Пустоши.

Юноша-проводник отвел их к своему хозяину, и тот предоставил им кров и еду.

На следующий день, расспросив людей, Эйнар вот что узнал о волке.

Он объявился в начале весны и так разъярился, что не щадил ни скота, ни людей, которые пытались помешать ему заирать коз и овец. Те, кто его видел, говорили, что величиной он с медведя. А те, которые не видели, утверждали, что глаза у него горят синим огнем, изо рта течет кровавая слюна, шерсть – дыбом и колючая, как у ежа. Его не берет никакое оружие. Словом, волк необыкновенный. Некоторые рассказчики заявляли, что, судя по описаниям, волк этот похож на гигантского волка, на котором приехала на похороны Бальдра великанша Хюрроккин; она управляла им с помощью уздечки из извивавшихся змей, и его не могли удержать четыре берсерка. Другие говорили, что страшный волк произошел от потомков Фенрира, от волков Хати и Скеля, которые охотятся за луной и за солнцем, стремясь проглотить их и затопить землю кровью, капающей из их пастей, и в подтверждение своих слов указывали на то, что объявившийся волк всегда нападает, когда на небе светит луна. Находились и такие, которые предками ужасного волка называли волков Одина, Гери или Фрёки, и Один, дескать, наслал на людей это страшное животное, потому что они мало ему поклоняются, предпочитая Улля и Тора.

Утром к Эйнару пришел человек по имени Логи и сообщил, что минувшей ночью на хуторе возле ближайшей горы волк зарезал четырех овец и убил двух женщин, служанку и дочь хозяйки. Эйнар спросил Логи, зачем он к нему пришел и это ему рассказывает. А Логи, будто не слыша вопроса, стал объяснять, что волка по-настоящему никто не мог разглядеть, потому что он появляется словно ниоткуда, убивает и исчезает. Охотникам ни разу не удалось его разыскать, но все те, кто выходил на него охотиться, либо сами от волка погибли, либо волк людей их загрыз, как нынешней ночью служанку и девочку.

– А от меня ты что хочешь? – спросил Эйнар. Логи в ответ:

– Ты с материка к нам приплыл.

– И что из этого?

– Ты не из местных. Тебе может у нас повезти.

С этими словами Логи ушел.

Ближе к полудню опять приходит Логи и приносит с собой меч. Он кладет его перед Эйнаром и говорит:

– Это Злой Клинок. Против него никакое колдовство не действует.

Эйнару, которому Логи уже успел надоесть, посуровел лицом и спрашивает:

– Моей смерти хочешь, финн?

Логи был финном и родом из Финнмарка.

– Не такая смерть тебе суждена, – говорит Логи.

– Будто ты знаешь! – усмехается Эйнар и прибавляет: – Сам говорил, что никто его не может найти.

– У тебя есть вот это. Вещь непростая. – И он показал на уздечку, которая висела за спиной у Эйнара.

– Откуда знаешь? – удивился Эйнар.

– Меня здесь, в Пустошах, все считают за колдуна, – ответил Логи.

Больше в тот вечер они ни о чем не говорили.

А ночью Эйнару приснился сон. Высоко в горах идет он вместе с доброй медведицей и злой волчицей. И вдруг медведица встает на задние лапы и кидается на волчицу. Та отскакивает в сторону, а потом прыгает на медведицу и перекусывает ей горло. Тут Эйнара охватывает лютая злоба, и он кричит:

– Вот кто убил мою мать!

И как только волчица это слышит, она рычит и собирается напасть на Эйнара. Тот хватается меч, который дал ему Логи, и рубит им по правой лапе волчицы. Но меч то ли затупился, то ли околдован – лапе ничего не делается, а волчица лязгает зубами и как будто смеется. Эйнар рубит мечом теперь по левой лапе – и снова лапа остается цела, а меч разлетается на куски. Волчица же, расвирепев, разевает кровавую пасть и хочет проглотить Эйнара. Он теперь безоружный, и ему нечем защититься. Ужас и отчаяние охватывают его. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он срывает с ноги башмак и кидается с ним на волчицу.

Тут сон закончился, и Эйнар проснулся.

Утром за завтраком Эйнар произнес вису, в которой на этот раз было несколько кеннингов.

Темные думы Бальдра,
как отраженья на лугах лосося,
основания шлема нам искажают.
Однако совсем не верить
этим вороньим шептаньям
только скальная тварь может.

Сидевшие за столом ничего не поняли. С языком поэтов они были незнакомы и не могли догадаться, что Эйнар хотел сказать следующее:

Сны, как отраженья
на воде ряблящей,
искажают лица.
Но совсем не верить
этим предсказаниям
только глупый может.

43 Плотно перекусив, Эйнар вышел из дома. В одной руке он держал меч, в другой – копье, а поясом ему служила уздечка, та самая, которая досталась ему от отца и которую он сберег в долгих скитаниях. Она всегда была при нем. Несколько раз она помогла ему, когда

он бегал от Харека. Теперь Эйнар так расположил медные бляшки, чтобы они были со всех сторон: спереди и сзади, справа и слева.

В Пустошах они не звенели. Но как только Эйнар вышел из селения, начался звон. Когда звенело с левого бока, Эйнар поворачивал влево, когда справа – вправо, когда на животе – шел вперед, не разбирая дороги, но все время следил за тем, чтобы не зазвенело на пояснице. Звон то усиливался, то затихал, но никогда не исчезал совсем, и Эйнар догадывался, что он идет по следу, то приближаясь, то отдаляясь от того, кого он преследует. Он дошел до конца долины и стал подниматься в горы.

Был там один утес с пещерой. Перед пещерой была площадка, а за ней обрыв.

Когда Эйнар взошел на площадку и встал перед пещерой, бляшки у него на животе громко трезвонили. Но вдруг замолкли, и тут же зазвонило на пояснице. Эйнар быстро обернулся и над обрывом увидел волка. Он был и вправду весьма велик и ростом с медведя. Но кровь у него из пасти не текла, и синим огнем глаза не светились. Глаза у него были очень похожи на глаза человека. И Эйнару впервые стало страшно.

– Правду говорят люди, что ты зверь непростой, – сказал Эйнар, чтобы ободрить себя звуком своего голоса.

А волк вдруг исчез, и сразу зазвонила уздечка у Эйнара на спине. Он снова перевернулся на пятке – волк уже стоял у входа в пещеру.

Тут Эйнару во второй раз стало страшно, и он сказал:

– Кто бы ты ни был, похоже, что одного из нас ждет Вавуд.

Эйнар не захотел назвать Одина его главным именем. Но как только он произнес имя Вавуд, показалось ему, что волк улыбнулся.

– Ну-ка испытаем мою медь битвы, – сказал Эйнар и изо всех сил метнул в волка копьё. А тот чуть отодвинул в сторону голову, щелкнул зубами и перекусил древко копья, когда оно пролетало мимо.

Эйнара в третий раз охватил страх, теперь похожий на ужас. Эйнар попятился к обрыву. А волк, разъярившись, кинулся на него. Эйнар взмахнул мечом и отсек ему правую лапу. Но левой, словно он был медведем, волк сшиб Эйнара, упал на него сверху и собирался перекусить ему горло, но Эйнар засунул ему между зубов меч. Волк в ярости пытался его разгрызть. А Эйнар ухватил волка за уши, приподнял его морду и сам зубами вцепился волку в глотку. Зверь взвыл, выпустил из пасти меч и силился вырваться. Но места на площадке было мало, и оба, человек и зверь, сорвались со скалы. Волк оказался тяжелее, он первым упал вниз на камни, а Эйнар очутился сверху. Волк сильно повредил себе тот бок, на который упал, тело его не двигалось, но пасть раскрывалась и зубы щелкали. Стащив с ноги кожаный башмак и улучив момент, когда пасть волка вновь распахнется, Эйнар пропихнул башмак как можно глубже зверю в глотку и, не дав сомкнуть зубы, схватил его за верхнюю и за нижнюю челюсти и разорвал пасть пополам.

То ли от бешенства, то ли от страха, Эйнар не отдавал себе отчета в том, что делает. Сначала он кусал мертвого волка и лизал кровь, которая сочилась из раны на шее и из отрубленной лапы. Затем снял с пояса уздечку, взнуздal зверя за верхнюю часть пасти, перевернул мордой вниз, взгромоздился и прыгал, как будто он волка оседлал и на нем скачет. Так он долго безумствовал, пока силы его не оставили и он не заснул, обняв поверженного.

Так Эйнар рассказывал, когда к вечеру вернулся в Пустоши, и люди, узнав о его подвиге, устроили пир посреди деревни. Пировали всю ночь и весь следующий день, потому что, как говорится, у молвы много ушей, и со всех концов, из других деревень стали стекаться любопытные, чтобы узнать и послушать. Эйнару приходилось по многу раз рассказывать, и рассказывал он примерно одно и то же. Но как было на самом деле, никто ведь не видел.

Люди Эйнару верили. Хотя тело убитого волка так и не нашли, нападения на скот и людей прекратились. И жители Пустошей отрезали от своего выгона большой кусок земли, отдали

его Эйнару и всем селением построили там два дома, для него и для Кальва, а также овчарню, птичник, амбар, корабельный и торфяной сараи и всё остальное, что положено иметь в богатой усадьбе.

Ту местность, в которой это случилось, стали называть Волчьими Пустошами, и Эйнар стал там за главного.

44 Теперь надо сказать вот о чем.

После сражения с волком и пиров, на которых, как говорится, пиво вошло, а рассудок ушел, Эйнар несколько дней отлеживался. Среди ночи он просыпался то в тоске, то в ярости, и когда бывал в ярости, слышались ему громкие звуки и в нос ударяли резкие запахи, а когда бывал в тоске, почти никаких запахов не чувствовал и даже не слышал, что ему говорят. Тоска или ярость налетали на Эйнара сначала чуть ли не каждые сутки, потом всё реже, и было непонятно, чем они вызываются. Это случалось и утром, и днем, и вечером, в солнечную и в пасмурную погоду, при ветре и в безветрие, в лунные и безлунные вечера.

Однажды Эйнару приснился сон. Они с Кальвом охотятся в лесу и набредают на хижину, в которой крепко спят двое мужчин. Рядом висят две волчьи шкуры. Эйнар и Кальв из любопытства надевают на себя эти шкуры и тотчас превращаются в волков. Они выскакивают из хижины и мчатся через лес, убивая и пожирая всё, что им попадается на пути, и прямо-таки пылая яростью.

Проснувшись, Эйнар услышал, как на дальнем выгоне звенят колокольчики, и почувствовал резкий запах крови. Запах шел из хлева. Эйнар туда направился и увидел, что у одной из овец перерезано горло. Можно было подумать, что вновь объявился волк или другой хищник. Но двери в хлев были заперты с обеих сторон, никаких дыр ни в стенах, ни в кровле Эйнар не обнаружил; к тому же тело овцы оставалось нетронутым.

Похожий сон приснился Эйнару через несколько дней. Напарником Эйнара в этот раз был не Кальв, а Логи, и Эйнар во сне никого не успел убить, потому что как только он догнал лань, он тут же проснулся. И вот, он проснулся и видит, что стоит он в хлеву, держит за уши овцу и, задрвав ей голову, похоже, собирается зубами перегрызть ей горло.

Эйнар овцу отпустил. Ярость быстро сменилась тоской, от которой Эйнар не мог избавиться весь следующий день.

Больше ему такие сны не снились. Может быть, потому, что Эйнар с тех пор перед сном либо выпивал немного свежей крови – если в тот день резали какое-нибудь животное – либо жевал запекшуюся кровь – он стал сохранять ее для себя после каждого забоя.

К этому вдобавок Эйнар теперь следил за своим настроением, и стоило ему почувствовать первые признаки тоски или возбуждения, он начинал избегать людей, уходил либо на фьорд, либо в горы и там бродил, пока дух его не возвращался в нормальное состояние.

Домашние животные теперь от него шарахались. Собаки скулили и прижимали хвосты. Но это случалось нечасто и лишь тогда, когда, почувствовав недомогание, Эйнар не успевал вовремя уйти со двора или находился на выгоне среди коз и овец.

Какая-то лисица повадилась ходить в курятники и так расхрабрилась, что стала таскать кур при свете дня.

Однажды Эйнар увидел, как она бежит по двору, развеселился и сказал вису:

Желаю, чтоб тролли
тебя утащили,
плутовка зловредная!
Чтоб Гарм тебя разорвал
кровью покрытый!
Чтоб в пасти Фенрира
ты вечно горела!

Едва он это произнес, как лисица упала замертво.

Эйнар долго не мог прийти в себя от изумления. И с тех пор перестал ходить на охоту.

Эйнар теперь с почтением относился к богам, особенно к Одину. Ему он посвятил свои копья и два меча. Он и секиру хотел ему посвятить, но Логи отговорил его, сказав, что боевая секира во всех северных землях посвящается только Тору. В дар Одину Эйнар часто приносил скот, и у него в хозяйстве по крайней мере на одном из деревьев непременно висело закланное животное. На дни Одина Эйнар всегда одевался в широкий синий плащ с серыми вкраплениями, на голове носил широкополую шляпу, надвигая ее низко на лоб.

Лицо у Эйнара заметно побледнело, по сравнению с прежним. Волосы и борода посерели, усы же стали еще более темными, иссиня-черными. Эйнар, казалось, стал еще выше ростом и еще шире в плечах. Ему было двадцать восемь лет, и он был силач каких мало.

45 Неподалеку от Волчьих Пустошей был перешеек, соединявший два полуострова, – место на редкость красивое, но бесплодное.

Однажды, когда над землей стлался туман, похожий на цветущие яблони, Эйнар заметил, что какой-то маленький белый человек пасет на перешейке коз. Эйнар удивился: там было много камней и разноцветных мхов, но трава там не росла. Этого белого человечка и его животных Эйнар явственно видел и, остановившись, долго за ними наблюдал.

Вернувшись домой, Эйнар велел Кальву отогнать коз и овец на перешеек, и пусть они там побродят. Кальв так и сделал. И вот – на следующий год их скот принес такой богатый приплод, что все в округе диву давались.

Во фьорде напротив залива в полумиле от берега был скалистый остров, а вокруг него мели. Рыбу там никогда не ловили.

Однажды, когда над водой стлались лоскутья тумана, похожие на те лоскуты, которыми перевязывают раны, проплывая мимо этого острова на гребной лодке, Эйнар увидел в воде тюленя, который был гораздо больше других. Он плавал вокруг лодки, и у него были большие плавники. Хотел Эйнар воспеть величину этого тюленя, но передумал, вспомнив о том, как однажды висой убил лисицу. Тюлень же, будто из благодарности, нырнул, вынырнул и, перегнувшись через борт лодки, бросил под ноги Эйнару большую рыбину, а потом исчез в глубине.

– Вода здесь точно живая, – сказал Эйнар и велел слугам забросить сеть и тянуть ее между отмелей в ту сторону, в которую направился тюлень. И вот – столько отборных сельдей попало им в сеть, что пришлось звать соседние лодки, чтобы помогли вытащить улов.

Тут уж Эйнар не сдержался и сказал такую вису:

По приказу тюленя
двинули грани зыби
к чешуйчатым крачкам струй.
Друзья до отказа
нагрузили струги
Прибыльной наживой.

Надо ли говорить, что весть об удаче Эйнара разлетелась на юг и на север по Лофотенам. 46 Эйнара стали еще больше уважать после вот какого случая.

В трех милях к северу от Волчьих Пустошей на хуторе жил человек по имени Бьярни. Однажды к нему пришел Храпп Борода по Пояс. Он был берсерком. Он ходил по Лофотенам и вызывал на поединок всякого, кто ему не подчинялся. Явившись к Бьярни, Храпп предложил ему на выбор: хочет, пусть бьется с ним на одном островке – островок назывался Крачий, – а не хочет, пусть отдаст ему свою жену. Бьярни сразу решил, что лучше уж биться, чем обоих, и себя, и жену, позорить. Сойтись надлежало им через три дня.

Бьярни был человеком не воинственным. А потому его жена, которая много слышала об Эйнаре, тайно от мужа отправилась в Волчьи Пустоши и стала упрашивать Эйнара заступиться за нее, потому что мужа ее, Бьярни, Храпп Борода по Пояс непременно убьет.

Услышав, что берсерка зовут Храпп, Эйнар усмехнулся и сказал:

– Эйнар мне уже снится. Теперь, похоже, настала очередь Храппа, тезки моего деда.

Никто не понял того, что он имел в виду. Но все поняли, что женщине Эйнар поможет.

Когда настал день поединка, и Храпп Борода по Пояс приплыл на Крачий остров, он вместо Бьярни увидел Эйнара, и эта замена ему не понравилась. Он велел расстелить подножники, по углам их произнести заклęcia, вбить рубежные колья, что означало, что он собирается биться до смерти. Пока выполняли его указания, Храпп все больше ярился, готовя себя к поединку. А Эйнар отозвал в сторону Кальва, своего секунданта, и сказал:

– Судя по запаху, он из рода медведей. Принеси мне рогатину. Широкою, но не длинною.

Не мешкая, Кальв сбегал в лесок и там срезал и обстругал то, что было заказано. Эту рогатину Эйнар засунул себе сзади за пояс.

Поединок длился недолго. Храпп в исступлении размахивал тяжелой секирой и пытался ею разрубить Эйнара, а тот, несколько раз увернувшись, подставил под удар щит, и когда секира пробилась ему насквозь, отбросил в сторону щит вместе с секирой. А потом выхватил из-за пояса рогатину, подцепил ею длинную бороду берсерка и стал наматывать, пока развилка не уперлась тому в горло. Тогда Эйнар толкнул Храппа, повалил и, придерживая рогатиной, сказал:

– Похоже, поединок окончен.

А Кальв сказал:

– Если ты его отпустишь, он наверняка захочет встретиться с тобой еще раз.

– Делать мне больше нечего, – сказал Эйнар и спросил Храппа: – Захочешь или не захочешь?

Берсерк лишь рычал и скалил зубы.

– Надо отвечать, когда тебя спрашивают, – сказал Эйнар и, выхватив меч, ударил Храппа в грудь. Это был точный и смертельный удар.

Сели в лодку и стали возвращаться. До берега было еще порядочно, когда Эйнар прыгнул в воду и поплыл следом за лодкой.

На берегу Кальв попросил его объяснить свое поведение.

– Не только медведи ярятся, – сказал Эйнар. – Никогда не мешает остудиться.

После этого случая Эйнар несколько дней чувствовал недомогание и из дома не выходил. Слава же его распространилась еще шире по Лофотенам.

47 Жили на этих островах два брата, Грим и Свейн. Они были родом из Халогаланда и там были объявлены вне закона. Они были берсерками хуже других. Впадая в ярость, они никого не щадили. Они уводили мужних жен и дочерей и, попользовавшись ими неделю или две, отсылали назад. Где только они не появлялись, всюду грабили и учиняли бесчинства.

Как-то в середине лета они вдвоем объявились в Волчьих Пустошах и сразу отправились на хутор Эйнара. Они еще не начали буйствовать, но уже были в том состоянии, которое пугает даже храбрых воинов.

Эйнар стоял на крыльце, когда Грим и Свейн вошли к нему во двор. Крыльцо у Эйнара было широкое, на нем могло стоять много народа. В этот раз на нем стояли Кальв и двое поденщиков; рабов у Эйнара не было, и он тогда не хотел, чтобы они у него были.

– Ты, говорят, убиваешь берсерков?! – прорычал от ворот Грим.

Эйнар ему не ответил.

– Попробуй-ка нас убить! – крикнул Свейн, его брат.

Эйнар не отвечал.

Берсерки подошли ближе.

От охватившей его ярости Грим больше не мог говорить. Сначала он несколько раз укусил свой щит, потом поднял его над собой и стал биться о щит головой. Грим был высокий и широкоплечий. Руки у него были толстые и короткие, а ноги – длинные и кривые.

Кальв и один из работников ушли в дом. Эйнар остался на крыльце. Лицо его стало бледнеть, а ноздри раздувались.

Второй берсерк, Свейн, был невысок ростом, но такой ширины в плечах, какую не встретишь. Руки у него были длинными, ноги короткими и толстыми, как пеньки, лицо было безобразным, особенно передние зубы, которые торчали у него изо рта.

– Ты что, оглох?! – крикнул Свейн. Он тоже ярился, но еще мог говорить.

Эйнар молчал. Лицо его еще сильнее побелело, а глаза стали желтеть.

– Приноживаешься? – спросил Свейн, когда братья подошли к крыльцу. – Чуешь, что смертью твоей пахнет?

Только тогда ему Эйнар ответил и сказал:

– Пахнет кабаном.

– Еще бы тебе не пахло! – сказал Свейн. – Нас обоих на островах называют Братьями Кабанами.

Тем временем на крыльцо, вооружившись, вернулись Кальв и работник.

– С крыльца не сходите, – тихо велел им Эйнар. А Гриму и Свейну громко сказал: – Ждите. Я скоро вернусь.

Он ненадолго ушел в дом и вернулся с двумя горящими факелами. Они были крепкие и длинные, как колья из плетня.

Свейн, который еще не впал в беспамятство, удивился и сделал несколько шагов назад. Грим же, не помня себя от бешенства, отбросил щит и, взмахнув тяжелой секирой, устремился на Эйнара. А тот прыгнул навстречу берсерку, выбросил вперед руку и факелом ткнул Грима в бороду. И тут же отпрянул, так что секира берсерка резанула воздух и вонзилась в землю. У Грима же вспыхнула борода, огонь пополз на щеки и к волосам. А Эйнар, вращая обоими факелами, спросил у Свейна:

– Ты что, ослеп? Не видишь, брат у тебя загорелся?

Свейн бросил на землю щит и секиру и принялся стаскивать с себя плащ. Но Грим не стал дожидаться. То рыча, то ревя, он пустился бежать к воротам, а оттуда к заливу. Свейн – за ним. Два щита и две секиры остались лежать на земле.

Эйнар отдал факелы работникам, на голову надел шлем, в одну руку взял меч, в другую копье. Вместе с Кальвом они вышли за ворота и стали смотреть на то, как один брат тушит плащом другого, – до воды Грим не успел бы добежать, так хорошо занялись у него волосы.

Лицо у Эйнара было белым, как подснежник, глаза – желтые, как сурепка.

– Вот так надо охотиться на кабанов, – сказал Эйнар.

Когда Грим и Свейн возвращались со стороны залива, и Грим опирался на Свейна, проходя мимо Эйнара и Кальва, Свейн сказал:

– Сейчас мы не станем продолжать. Но мы вернемся.

– Ваше оружие будет вас ждать, – ответил Эйнар.

– Давай уьем их, чтобы нам больше не было с ними мороки, – предложил Кальв.

– Негоже убивать тех, кто хочет вернуться, – возразил Эйнар.

Больше он ничего не сказал. Пошел во двор. Там один из работников рубил дрова. Эйнар велел ему ворошить сено. А сам поднял с земли брошенные секиры и стал то одной, то другой рассекать широкие чурбаны. Никто из людей не смел к нему подойти. Лицо у Эйнара стало серым, а глаза – как угли, когда на них дуешь.

Больше в этот год ничего важного не случилось.

48 Зимой, когда начали праздновать Йоль, к Эйнару пришел человек громадного роста. Его усадили за стол, не спросив, кто он и откуда; на Лофотенах это не принято, на Йоль –

особенно. Пришедший ел и пил за троих, но ни словом не обмолвился. По всему было видно, что он человек неразговорчивый. На второй день праздника он сам сообщил, что зовут его Берси. На третий – от него узнали, что прозвище у него Сильный. На четвертый – Кальв не утерпел и спросил у Берси, откуда он родом. Тот долго молчал, а потом ответил:

– Здесь, на островах, многие откуда-то прибыли. Какая разница.

Больше от него ничего не узнали.

Когда же праздник подошел к концу – на Лофотенах Йоль празднуют семь дней, – Эйнар поинтересовался у Берси, куда он дальше направится.

– Никуда, – ответил великан.

Эйнар не стал задавать других вопросов, но взгляда с Берси не сводил. И тогда тот сказал:

– Хочу поступить к тебе на службу.

– Я не конунг, чтобы мне служить, – усмехнулся Эйнар.

Они опять помолчали. А потом Берси сказал:

– Но ты и не такой, чтобы сидеть на месте.

Эйнар нахмурился и сказал:

– Одного берсерка мне уже пришлось убить. Двум другим подпалил шерсть, но разрешил уйти.

Берси задумался. А потом спрашивает:

– Откуда узнал?

– Волк медведя сразу почует, – ответил Эйнар.

А Берси сидел, сидел, а потом вдруг встает во весь свой рост, протягивает Эйнару руку и говорит:

– Давай будем вместе чують.

Вместо ответа Эйнар тоже встал и пожал протянутую ему руку.

Так Берси Сильный стал человеком Эйнара, сына Квельдэйнара.

49 Следующей весной к Эйнару один за другим стали приходить другие люди.

Пришел человек по имени Торир Белый. Лет ему было не больше восемнадцати. Он был высокий и пригожий. Волосы у него были густые и тонкие. Родом он был из Трандхейма. Но там был объявлен вне закона за сочинение мансёнг – стихов, обращенных к девушке, которая ему понравилась; родители девицы сочли, что строфы могут подействовать как приворот и довели дело до суда.

Эйнар поначалу не хотел его принимать. Но Кальв сказал:

– Не сам же ты будешь воспевать свои подвиги.

– Какие еще подвиги? – нахмурился Эйнар. Однако велел Ториру воспеть один из щитов, который висел у него на стене.

Торир тут же принялся за дело. Он использовал длинные кеннинги, именуя щит не «щитом» и даже не «доской секиры», а «месяцем длани Гримнира» или «плахой сполохов сражений»; меч он назвал «искрой острой визга стали», война – «вязом лязга солнц дракона мачты». Громоздкие кеннинги тогда начинали входить в моду среди скальдов. Но Эйнар сказал:

– Когда этот Торир Длинный Кеннинг начнет воспевать наши деяния, мало кто поймет, о чем он витийствует.

Тут Торир воскликнул:

– Ты нарек меня Длинным Кеннингом и по древнему обычаю должен дать мне за это подарок! Так одари меня своей дружбой!

Кальв и другие поддержали его просьбу. И Торир Длинный Кеннинг стал человеком Эйнара.

50 Следом за Ториром людьми Эйнара стали еще три человека.

Первого звали Отар Служанка. Он был сильным человеком и искусным кузнецом. В Халогаланде его объявили вне закона и послали за ним погоню. Был бы он схвачен, если бы

не догадался переодеться в служанку и не стал молотить зерно с таким видом, будто это было его излюбленным занятием. Преследователи удивились высокому росту служанки и ее мускулистым рукам, однако отправились дальше, не подозревая, что находились рядом с тем, кого искали. Отар об этом случае сам рассказывал, за что и получил прозвище Служанка. Когда же его спрашивали, не гнушается ли он этим женским прозвищем, Отар напоминал, что однажды служанкой прикинулся бог Локи, а могучий Тор нарядился в одежду богини Фрейи, надел ее ожерелье, лицо скрыл под вуалью; дескать, боги не гнушались, а он, Отар, никогда не считал себя выше богов.

Второго пришедшего звали Сигват Обидчивый. Он был дважды приговорен к изгнанию, а два изгнания, как известно, равносильны объявлению вне закона. Сигват был и вправду на редкость обидчивым человеком. Но Эйнар взял его к себе в команду, потому что Сигват был корабельным мастером, умел строить и чинить корабли. Он тут же соорудил помост и принялся строить для Эйнара корабль, а других людей заставлял помогать – подвозить лес, тесать доски, сплачивать их, забивать гвозди.

Третьим был Эрлинг Добрый. Он был высокий и сильный. Он отличался ловкостью. При этом он был скромным человеком и так обходителен и добр со всеми, что ему было почти невозможно отказать в ответном радушии. Однако собаки на него рычали, козы от него шаркались. В Ромсдале Эрлинг был объявлен вне закона за то, что совершил убийство в святилище.

51 К середине лета у Эйнара набралось человек двадцать крепких молодцов, называвших его хёвдингом и готовых ему служить. Все они были либо объявлены вне закона, либо бежали из родных мест, чтобы не платить виру за убийство и иные преступления.

А на осеннее жертвоприношение альвам в эйнарову усадьбу явились два брата, берсерки Грим и Свейн. Оба пришли без оружия. Лицо у Грима было обожженным.

По приказу Кальва люди Эйнара окружили их. Но тут вышел Эйнар и говорит:

– Не дождались вас ваши секиры. Заржавели без дела.

Старший Грим прорычал в ответ нечто неразборчивое. А младший Свейн объявил:

– Брат у меня немного косноязычен. Он хотел сказать, что секиры нам сейчас не нужны.

Дай нам два топора.

– Для чего? – спросил Эйнар.

Грим снова прорычал, и снова никто не понял, что он хочет сказать. Но Свейн объяснил:

– Мы хотим срубить дом и поселиться рядом с тобой. По островам прошел слух, что ты собираешь веселую команду.

Тут Эйнар повернулся к Кальву и сказал:

– Я ж тебе говорил, что они вернутся.

А потом обратился к Берси Сильному и велел выдать Гриму и Свейну плотницкие инструменты.

Берси ничего не ответил, но повел за собой Грима и Свейна. Он и еще два берсерка строили для себя дом и торопились закончить его к наступлению холодов.

Так Братья Кабаны тоже стали людьми Эйнара и скоро получили новые прозвища. Грима за его обожженное лицо прозвали Копченым, а Свейна стали звать Рыло – за его клыкастую морду, которую трудно было назвать лицом.

Братья Кабаны на новые прозвища не обижались, исправно трудились и вели себя дружелюбно.

52 В десяти морских милях от Волчьих Пустошей есть место, которое зовется Рабельвог. Там был тинг всех Лофотенов. Оттуда пришел человек, который пригласил Эйнара пожаловать на Йоль в Рабельвог, сказав, что люди собираются избрать его местным лагманом.

Эйнар поблагодарил посланца, но наотрез отказался от предложения, заявив, что в нескольких местах он объявлен вне закона и ничуть этого не стыдится, потому что не раз имел

возможность убедиться, как законы и те, кто их устанавливает, не защищают человека, а угрожают его чести.

– Я уже – лагман и годи. Но лишь для тех, кто пострадал от законов, кто бережет свою свободу, дорожит своей честью и ради этих сокровищ не боится пролить кровь, свою и чужую, – закончил речь Эйнар.

– Так говорят разбойники, – возразил посланец.

– Так говорю я, Эйнар, сын Квельдэйнара, который сам себе закон, – ответил ему хёвдинг из Волчьих Пустошей.

Посланец ушел ни с чем, а Эйнара с того дня стали называть Эйнаром Сьяльфурлагом, что означает *Сам Себе Закон* или кратко – *Себезакон*.

Своим людям, однако, Эйнар строго-настрого запретил грабить не только в округе, но и на всех Лофотенских островах. Он им велел брать пример с диких зверей, волков и лисиц, которые возле своих нор не охотятся.

Съестных запасов у Эйнара было достаточно, чтобы его люди безбедно прожили зиму.

Хозяйством управлял Кальв, а ключницей была его жена Скроппа, которая, узнав, как хорошо идут дела у Кальва и Эйнара, перебралась на Лофотены.

Так закончился год, в котором в Согне сначала умер тесть Хальвдана Черного, конунг Харальд Золотая Борода, а следом за ним умерли Рагнхильд, дочь конунга Харальда, первая жена конунга Хальвдана Черного, и ее сын Харальд-младший. После их смерти Хальвдан Черный заявил о своих правах на Согн и поручил этот фюльк своему ярлу Атли Тощему.

Но эти события к нашему рассказу не относятся.

53 На следующий год, когда море совершенно очистилось, Эйнар со своими людьми возшел на корабль, построенный для него Сигватом Обидчивым, и отправился на север. Плыли они не по внешней воде, а по внутренним фьордам и протокам между материком и островами, миновали Вестеролен, Сенью, острова Земли Тромсов и благополучно достигли побережья Финнмарка. Нос корабля был покрашен белой и красной краской, парус был полосатым. Спереди на штевне Эйнар велел вырезать голову волка, а сзади – хвост, больше похожий на драконий, чем на волчий.

Из этого похода Эйнар вернулся с богатой добычей. В Финнмарке они запаслись олениным мясом, вяленой и сушеной рыбой, а также захватили рабов-финнов. На обратном пути, проплывая мимо островов, забили и погрузили на борт коз и овец. Раздобыли они также много моржовой кости и моржовых шкур, из которых делают лучшие в мире морские канаты. Добыча их была такой обильной, что не могла поместиться на их корабль, и им пришлось отобрать у местных жителей два больших и вместительных судна, которые финны называют лойвами. Доверху нагрузив эти лойвы, Эйнар и его люди в середине лета благополучно возвратились на Лофотены. В стычках с северными дикарями лишь один человек был убит и только двое ранены.

Моржовые зубы и шкуры Эйнар выгодно продал заезжим торговцам, съестные припасы и рабов решил оставить в хозяйстве.

Слава Эйнара после этого удачного похода возросла еще больше.

54 На следующий год Эйнар и его люди снова плавали в Финнмарк и вернулись оттуда с богатой добычей.

Еще через год уже дважды совершили туда поход: в начале и в середине лета.

А на третий год в Альтафьорде, где они обычно причаливали, Эйнар устроил богатый пир и на нем объявил:

– Здесь глаза Тьяцци сияют намного ярче, чем на Лофотенах. Хочу здесь поселиться, чтобы все время ими любоваться. Кто из вас останется со мной?

Как известно, великан Тьяцци был отцом Скади. Асы убили его за то, что он с помощью Локи похитил Идунн, жену Браги. Тогда Скади пришла в Асгард отомстить за смерть отца.

Чтобы утихомирить ее гнев, боги поместили глаза Тьяцци в одном из северных созвездий, и отныне его глаза там сверкают, как две яркие звезды.

Едва ли дружинники Эйнара так уж хотели любоваться звездным северным небом. Но предложение своего хёвдинга они сочли заманчивым: зачем всей командой плавать туда-сюда, когда часть людей может обосноваться в Финнмарке и наживать вдвое, втрое больше добра, воюя и облагая данью финнов, лопарей и северных квеннов, а также иногда плавая в Бьярмию, которую финны называют Колой, а лопари – Туломой.

С Эйнаром в Альте остались и обустроились: Логи, три берсерка, скальд Торир Длинный Кеннинг, кузнец Отар Служанка, корабельный мастер Сигват Обидчивый, Эрлинг Добрый и еще с дюжину человек. Остальные вернулись на Лофотены, но с тем, чтобы поддерживать связь между старой и новой усадьбами. Управлять лофотенским имением Эйнара был поставлен Кальв, хотя ему очень не хотелось покидать друга. Но он уважал решения Эйнара.

Это случилось в тот год, когда датчане изгнали из Дублина тех, кого теперь называют норвежцами, а в Хадаланде у Хальвдана-конунга и его новой жены родился мальчик, которого через шестнадцать лет прозовут Косматым, а через двадцать два года – Прекрасноволосым.

Эйнару, сыну Квельдэйнара, тогда было тридцать шесть лет.

Эйнарсага 55–66

55 Обосновавшись в Финнмарке, Эйнар и его люди с наступлением зимы – она в этих краях наступает раньше, чем на Лофотенах, и намного раньше, чем в Согне или в Хадаланде, – сшили себе плащи с длинными рукавами и с капюшонами, к которым приделали матерчатые маски для защиты лица от холода.

Следующей весной, когда еще не сошел снег, Эйнар и с ним человек десять вышли из Альты и отправились в глубь Финнмарка, в сторону Беличьего леса. За этим лесом лежало несколько финских селений, жители которых задолжали дань Эйнару.

Три дня они благополучно двигались по хорошо им известной звериной тропе. Но к середине четвертого дня налетел ветер и началась такая сильная метель, что они скоро сбились с дороги. Снег шел такой густой и такой рыхлый, что их лыжи проваливались через каждый шаг, и их приходилось вытаскивать. К тому же вокруг были крутые склоны и заросли кустарника, так что пробираться было крайне тяжело. Они очень устали и решили остановиться и передохнуть.

Дело шло к полнолунию, и у Эйнара, как это обычно с ним случалось, обострился слух. Он несколько раз слышал далекий лай собаки, который никто из его спутников не слышал, и решил сходить в ту сторону, в надежде найти там людей и защиту от непогоды. Логи не хотел его отпускать, резонно рассуждая, что при таком сильном снегопаде следы скоро теряются, и Эйнар не отыщет обратную дорогу к своим спутникам, а те не смогут найти предводителя. Но Эйнар упорствовал в своем решении, и тогда Логи вызвался идти вместе с Эйнаром. К ним присоединился человек по имени Матти Сутулый; он был финном и человеком из здешних мест.

Шли по пояс в снегу, продираясь сквозь ветки кустов и колючих северных берез, доверяя лишь чуткому слуху своего вожака. А Эйнар сначала слышал собачий лай, но по мере того как звук приближался, он все больше напоминал не лай, а тьякканье.

Эйнар остановился и сказал:

– Похоже, это не собака, а лисица.

И только он это сказал, все трое впереди себя увидели на снегу свежий лисий след.

– Не нравится мне это, – сказал Логи. А Матти Сутулый возразил:

– Что тут может не нравиться? Лисица ищет гусей. А где гуси, там и люди.

Пошли по лисьему следу и через некоторое время вышли на широкую поляну, на которой стояла хижина.

Внутри их встретил человек в рубахе из грубой шерстяной ткани и в холщовых штанах, зашнурованных у ступней. Приглядевшись, они поняли, что перед ними не мужчина, а молодая женщина. У нее были длинные белые волосы. Глаза у нее были зеленые. Она была одна в доме, но ничуть не испугалась трех незнакомых мужчин. Женщина сообщила пришедшим, что, хотя финны называют ее Кетту, на самом деле ее зовут Гунн; что родом она из Крокена, из Страны Тромсов, а здесь живет для того, чтобы научиться ведовству у лопаря по имени Фрости – он, дескать, самый мудрый во всем Финнмарке. Фрости сейчас на охоте, но она, Гунн, легко справится с обязанностями хозяйки и приветит гостей.

Эйнар собирался сообщить Гунн, что в лесу, посреди метели и сгущавшегося мрака, он оставил своих спутников. Но не успел он открыть рот, как Гунн говорит:

– Ничего не поделаешь. Придется им переночевать у Вороньего камня, где ты их оставил. А утром метель прекратится, и я вас к ним провожу.

Эйнар удивился, но ничем не выдал своего удивления. Логи и Матти не слышали ее слов. Логи разглядывал хижину, а Матти Сутулый увидел на стене питьевой рог из моржовой кости, оправленный в серебро и украшенный замысловатыми то ли рисунками, то ли надписями, снял этот рог со стены и вертел в руках.

– Побыстрее верни на место, – сказала хозяйка. – Мой учитель не любит, когда трогают его вещи.

– Да где он, твой учитель! – сказал Матти и сел за стол, держа кубок в руках.

– Делай, как знаешь, если тебе нравится рисковать, – сказала Гунн.

Она хорошо накормила и напоила гостей.

Логи и Матти она постелила возле стола на широких лавках, а Эйнару приготовила постель в спальном нише.

Перед тем как лечь спать, Эйнар вышел во двор к нужнику. Логи следом и спрашивает:

– Тебе не удалось разглядеть ее сзади?

– С какой стати мне ее вообще разглядывать?

– Сдается мне, что это непростая женщина. Мы, финны, называем таких девами мха, или древесными девами. Спереди они очень красивые, а если посмотреть на них сзади – трухлявые.

Эйнар усмехнулся и ничего не ответил.

Вернувшись в дом, он лег на приготовленную для него постель и уже собирался заснуть, как полог раздвинулся, и в нишу вошла Гунн. Она была в одной рубашке, которая спускалась ей ниже колен.

– Я хочу с тобой спать, – сказала хозяйка.

– Главное, чтобы я захотел, – ответил Эйнар и велел: – Ну-ка, повернись задом и подними рубаху.

Гунн сделала так, как он приказал. А Эйнар покачал головой и сказал:

– Обычная женщина. Только лисой от тебя пахнет. А мы, волки, с лисами не дружим. Да и спать хочется.

– Ну тогда постарайся хорошенько выспаться. Это тебе пригодится, – ответила Гунн, опустила рубаху и вышла из ниши.

56 Наутро Логи и Матти с трудом растолкали Эйнара. Метель прекратилась, и Гунн проводила их к Вороньему камню, возле которого они отыскали своих спутников; некоторые из них еще не успели вылезти из спальных мешков. Финны делают себе такие мешки, набивая их гагачьим пухом, чтобы, если поблизости нету жилья, можно было ночевать под открытым небом, зарывшись в снег.

Когда Гунн ушла, Логи сказал Эйнару:

– Не нравится мне, как ты выглядишь. Боюсь, не наложила ли она на тебя заклятие.

– Никакая она не дева мха, – ответил Эйнар. – Сзади она еще красивее, чем спереди.

Пошли дальше и к вечеру добрались до Беличьего леса. В лесу отыскивали охотничью хижину и улеглись на ночлег. И вот, в доме тихо, тепло и уютно, а Эйнар никак не может заснуть, ворочается с боку на бок – не идет к нему сон. Так до утра промучился.

Утром Логи ему говорит:

– Теперь я уже не сомневаюсь, что она тебя сглазила. Она, должно быть, лиса. Лисица, когда ей исполняется пятьдесят лет, может превратиться в обыкновенную женщину. А в сто лет становится прекрасной молодой девушкой и колдуньей.

Эйнар хмурился и молчал. А Логи добавил:

– Я ведь видел, как она к тебе сначала зашла, а потом быстро вышла. Ты ее, наверное, обидел.

– Я ее очень сильно обижу, если и в эту ночь мне не удастся заснуть, – сказал Эйнар.

Они прошли через Беличий лес и к вечеру вышли к первой из тех деревень, к которым направлялись за данью. Чтобы наказать должников, взяли в два раза больше того, что им было обещано, сожгли хижину старосты, а на него самого и его родственников надели шейные колодки и связали веревками, чтобы увести их с собой и сделать рабами.

Устроились на ночлег. И снова Эйнар не может заснуть.

Наутро Логи сказал ему:

– Жаль, что мы сегодня не можем посмотреть на эту Гунн.

– Зачем на нее смотреть?! – прорычал Эйнар. Лицо его было бледным, а глаза воспаленными.

– Сегодня ведь полнолуние. И если ее поставить против лунного света, посмотреть на ее тень, и на этой тени мы вдруг увидим лисью морду и острые уши...

Эйнар не дал ему договорить.

– Уж я ее поставлю! – воскликнул Эйнар.

Эйнар позвал Берси Сильного и велел ему вместе с Логи продолжать поход. А сам встал на лыжи и устремился в обратном направлении.

Путь, который они пределали за два дня, он преодолел за один день – так он спешил. И к вечеру был у хижины Фрости.

Гунн поджидала его на пороге. Не успел Эйнар к ней приблизиться, как она сказала:

– Если ты меня убьешь, ты вообще никогда не заснешь. Даже самый сильный колдун тебе не поможет.

Эйнар остановился. Лицо у него было белым, как птенцы орлана, а глаза – желтые, как цыплята у курицы.

– Через семь дней умрешь, – добавила колдунья.

Эйнар с трудом держался на ногах.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил он.

– Я уже говорила: хочу с тобой спать.

– Шутишь, женщина! Я падаю от усталости, – сказал Эйнар.

– Вот и падай ко мне в постель, – сказала Гунн.

57 Проснувшись на следующее утро, Эйнар сказал лежавшей рядом с ним Гунн:

– Ты и вправду лиса.

– А ты и вправду волк, – ответила женщина.

Гунн встала с постели, и Эйнар увидел, что на том месте, на котором она лежала, лежит меч.

– Это зачем? – спросил Эйнар.

– Затем, что я стала твоей женой и теперь даже смерть не сможет меня с тобой разлучить. Я умру, если ты умрешь.

Эйнар решил сказать вису.

Лисица негодница

волка пыталась... – начал Эйнар. Но Гунн его перебила:

– Не стоит продолжать. Я могу так ответить, что тебе не понравится.

Эйнар замолчал. А потом говорит:

– Запомни, волки на лисицах никогда не женятся.

– Если спать захочется, женятся даже на барсучихах, – усмехнулась Гунн и добавила: – Вставай. Я завяжу тебе рукава рубашки.

Эйнар прожил у Гунн несколько дней, пока из-за Беличьего леса не вернулись его люди с собранной данью и новыми рабами. Никто из дружины не пострадал, если не считать Матти Сутулого: у него на ноге сделался большой нарыв, из которого во время ходьбы выступали кровь и гной, так что финна пришлось везти на санях.

Когда Гунн увидела Матти, она велела повесить на прежнее место рог Фрости.

Матти сначала отнекивался, но когда Гунн пообещала ему другие болезни, вернул рог.

Когда они прибыли в Альту, нарыв прорвался и боли прекратились.

58 В Альте Эйнар предался своим обычным занятиям: управлял хозяйством, ходил в недалекие походы и, если не считать дней новолуния, спал, как бревно. Но с началом лета к нему снова вернулась бессонница. Промучившись несколько дней, Эйнар стал размышлять: самому ли отправиться к Гунн или послать за ней Кабанов, Грима Копченого и Свейна Рыло. И пока он так размышлял, в восточную дверь его дома вошла Гунн и с нею двое коренастых молодых лопарей. На голове у Гунн был легкий серебряный шлем, на теле – короткая кольчуга, на поясе – длинный нож, а поверх кольчуги – красный плащ. Лопари вооружены были луками.

Гунн сняла шлем, потрянула золотистыми волосами и сказала:

– Вели накормить моих оленят, пока мы с тобой будем лечиться от бессонницы.

Гунн провела у Эйнара несколько дней. На вторую ночь Эйнар постарался запомнить те слова, которые Гунн шептала над ним, чтобы он заснул. Он запомнил лишь часть из них. А другую часть подслушал и запомнил на третью ночь.

На четвертый день Гунн стала собираться в дорогу. И говорит на прощание:

– Я знаю, что тебе не везло на женщин. Но теперь ты встретил свою удачу. Заруби это себе на носу. А лучше – в другом месте.

Когда Гунн ушла, Логи Финн сказал Эйнару:

– Я тебе и тогда говорил, и сейчас говорю: остерегайся этой негодницы. Не доведет она тебя до добра. Недаром финны зовут ее Кетту, что значит «лисица».

А Эйнар в ответ:

– Не знаю, как ее зовут финны, но на ложе она сущая валькирия.

– Тебе разве не известно, что происходит с людьми, которые видят валькирий? – спросил Логи.

– А я тебе разве не рассказывал, что дед мой, Храпп, был женат на валькирии и, стало быть, я ее внук? – сказал Эйнар.

На том разговор и окончился.

59 Осенью, как только к Эйнару начала подступать бессонница, он вспомнил снотворные стихи, которые шептала над ним Гунн, и скоро заснул. На другой день он то же самое проделал и еще быстрее заснул.

В третью ночь уснул без всяких нашептываний. А на следующее утро решил отправиться к Вороньему камню.

– За какой надобностью? – спросил у него Логи.

– Это вы, финны, живете по нужде, – ответил ему Эйнар и к этому ничего не прибавил.

С собой Эйнар взял Берси Сильного. Логи Финна он брать не хотел, но тот сам за ними увязался. Лыж с собой они не прихватили и пожалели об этом, потому что через день выпало много снега и стало трудно идти.

До Вороньего камня им оставалось не менее дня пути, когда они увидели невысокого человека, который охотился на белок. Он выпускал одну за другой стрелы, и всякий раз с дерева падала мертвая белка. Ни одной белке он не повредил меха, попадая ей точно в глаз тупоконечной костяной стрелой.

– Не хотел бы я оказаться на месте белки, – сказал Эйнар.

Берси Сильный ему не ответил; он говорил редко. А Логи стал ругать лопарей за то, что они бьют слишком много белок, и людям скоро не на кого будет охотиться.

Маленький охотник, судя по его виду, был именно лопарем. Слышал он или не слышал ругани Логи, но он прекратил охоту, спрятал белок в мешок за спиной и на лыжах подъехал к Эйнару и двум его спутникам. Лыжи у него были длинные и широкие. Он сказал, что его зовут Фрости и предложил подвезти до своего дома. Логи расхохотался. А Эйнару захотелось ответить шуткой на шутку. Он встал сзади Фрости на его лыжи, позади себя велел встать великану Берси. И тут Фрости побежал так быстро, будто он был один на своих лыжах, и Эйнар едва успел ухватиться за его пояс, а Берси – за пояс Эйнара. Логи же перестал смеяться и скоро исчез из виду.

Они быстро домчались до Вороньего камня, а оттуда – до хижины Фрости. Логи добрался до нее только к вечеру.

Гунн накормила их кашей на козьем молоке и кушаньем из сердец разных животных. На стол были также поставлены квашенные тюленьи плавники и акулье мясо, выдержанное в земле в течение нескольких месяцев.

Гунн увела Эйнара ночевать в баню, а остальные устроились в хижине.

Несколько дней они гостили у Фрости. Два раза сходили с ним на охоту. Логи считал себя умелым охотником. Но ему удалось убить только двух белок, а Фрости убил их с полдюжины. Фрости также добыл двух зайцев, словно собака, унюхав их след. Когда Логи заметил горностаю и нацелился в него из лука, Фрости толкнул его плечом, и стрела отклонилась от цели. Логи рассердился, а Фрости ему объяснил, что горностаи – волшебные животные и их нельзя убивать никаким оружием; на них нужно ставить силки и потом умерщвлять взглядом. В ответ Логи Финн зло засмеялся. А Фрости сначала смотрел себе под ноги, а потом поднял глаза, посмотрел на дерево, и тут же с ветки упала на землю ворона.

Эйнар и Берси убили каждый по одной белке и были довольны. А Логи огорчился и злился.

60 Однажды за ужином Фрости предложил Эйнару совершить поход в Бьярмию. Эйнар на это ответил, что несколько лет назад они туда уже плавали и лишний раз убедились в том, что правду говорит старая поговорка: на хваленого коня плохая надежда. Моржи там чуть крупнее, чем в Финнмарке, но не настолько, чтобы плавать за ними так далеко. Бьярмы же весьма воинственны и коварны: они нападают всегда из засады и стреляют из луков, прячась за деревьями, так что до них трудно добраться; многие тогда были ранены, а трое убиты. К тому же, продолжал Эйнар, на обратном пути они попали в шторм; он бушевал несколько дней и ночей, и большую часть добытого пришлось выбросить за борт, чтобы не погибнуть. И только они это сделали, как шторм прекратился.

– Похоже, вы пострадали от колдовства тех, кого ограбили, – сказал Фрости. – Но, судя по всему, был ты не в настоящей Бьярмии, а в Туломе, которую некоторые несведущие люди называют Бьярмией. Живут там не бьярмы, а колы. Они едва ли богаче нас, лопарей. Я же говорю о настоящей Бьярмии, стране несметных богатств, до которой от Туломы почти столько же дней пути, сколько от нас – до Туломы. Чтобы попасть туда, надо миновать Тулому и плыть до тех пор, пока по правому борту не откроется Гандвик. По этому широкому фьорду надо плыть на юг, держась левого берега, пока не войдешь в один из рукавов устья большой реки. Она называется Вин, и по берегам ее живут настоящие бьярмы. В следующем году мы с тобой

туда обязательно съездим, и, если с собой мы прихватим удачу и она от нас не сбежит по дороге, богаче тебя человека не будет на земле, над которой сияют глаза Тьяцци.

Так говорил Фрости. Он свободно говорил на языке данов и был красноречив. А Эйнар слушал его,пил брагу, ел кровавой пудинг, улыбался и молчал.

Логи предложение Фрости пришлось явно не по душе. На обратном пути он стал убеждать Эйнара в том, что нельзя доверять Фрости, потому что он, дескать, не в тех богов верит. Больше Тора и Одина он якобы почитает великана Хресвельга, Пожирателя Трупов, который в обличье орла сидит у самого северного края небес и приводит в движение холодные северные ветры. Он также, по словам Логи, чтит не Улля Лучника, сына Сив и пасынка Тора, а Скади Охотницу, и эту Скади считает не женой Улля, а матерью Фрейра, тем самым выказывая явное неуважение и Ньёрду, и Нертус, и Тору, и Одину.

Эйнару эти рассуждения скоро наскучили, и он сказал:

– Ты просто завидуешь Фрости, потому что он лучше охотник, чем ты.

Логи обиделся и замолчал. А когда совладал с собой, ответил:

– Он злой колдун. И у него на тебя какие-то виды.

– Можно подумать, что ты добрый колдун, – возразил Эйнар.

– Для тебя я всегда был добрым, – сказал Логи и еще сильнее обиделся.

С Эйнаром он больше не заговаривал, а стал рассуждать о Фрости, о Гунн, о Бьярмии с Берси Сильным. Тот слушал внимательно и не отвечал. И лишь когда устраивались на ночлег, сказал, глядя на Логи:

– Верно. Одна ворона в руке лучше, чем две вороны в лесу.

А утром, когда снова тронулись в путь, посмотрел на Логи и произнес:

– Согласен. Надо беречь тот дуб, под которым строишь жилище.

С некоторых пор Берси Сильный полюбил отвечать пословицами.

61 На следующий год, едва в Финнмарке открылась навигация, в Альту приходит Фрости и заявляет, что готов плыть с Эйнаром в Бьярмию.

Эйнар ответил, что ему нужно подумать. А Фрости, пока Эйнар раздумывал, стал обходить людей Эйнара и расписывать им сокровища бьярмов и великое богатство, которое можно от них привезти.

И вот один за другим эйнаровы дружинники стали навещать своего предводителя и уговаривать совершить поход в Дальнюю Бьярмию.

Эйнар же медлил с ответом, в том числе потому, что ему приснился сон. Во сне этом возле высокого кургана Эйнар увидел мертвого волка. Во рту у того было обручье. Возле волка крутились лисица и лис. Увидев Эйнара, лисица стала вилять хвостом и ластиться к Эйнару, а лис ощерился и пытался укусить Эйнара за ногу. Но Эйнар сказал вису, и лисы исчезли. Эйнар же разжал волку пасть и вынул обручье. Оно было самое обыкновенное, медное. Но Эйнар тут же снял со своей руки золотое обручье и вместо него надел то запястье, которое взял у волка. А золотое запястье выскользнуло у него из руки, ударилось о камень и распалось на два куска, из которых, как ему показалось, потекла кровь. На этом сон кончился.

Эйнар позвал Логи и попросил истолковать сон. А финн, вместо того чтобы объяснить каждую деталь, как это делают толкователи и как это он, Логи, обычно делал, принялся ужасаться, размахивать руками и восклицать, что Эйнару ни в коем случае не следует ехать в Бьярмию, что ему надо гнать от себя Фрости и Гунн, что если он этого не сделает, не избежать ему беды и кровопролития.

Когда Логи кончил кричать, Эйнар сказал:

– Истолковал ты мой сон трусливо и недружелюбно. Ты, видно, разучился толковать сны. И тут же собрал людей и велел им готовиться к походу в Бьярмию.

Плыть решили на боевом корабле и на двух лойвах.

Фрости, когда стали собираться, пришел в кузницу к Отару Служанке, принес обломки какого-то клинка, и вместе с Отаром они принялись мастерить из него наконечник копья. Когда копье было готово, Фрости насек на нем тайные знаки. Древко входило в наконечник на целую пядь. Это копье Фрости подарил Эйнару.

Через несколько дней в Альте появилась Гунн. Она вручила Эйнару рубашку из оленьей шкуры и сказала, что рубашка заколдована и ее не берет никакое оружие. Заметив недоверчивый взгляд Эйнара, Гунн надела рубашку на себя и попросила ударить ее мечом, или копьем, или секирой. При этом разговоре присутствовали несколько человек, и Логи, взяв меч, вызвался ударить. Но Эйнар отобрал у него меч и сказал:

– Давай, Логи, на тебе попробуем.

Присутствующие засмеялись, торопясь превратить дело в шутку.

За несколько дней до отъезда с Лофотенов приехал Кальв и, узнав о походе, стал настаивать, чтобы и его взяли с собой. Эйнар не мог отказать другу.

А за день до отплытия Фрости в присутствии многих дружинников вдруг так повел речь:

– Никто не знает, какую нить жизни нам выпряла Скади. То, что наши корабли вернутся из Бьярмии с великим богатством, это я вижу. Но вернусь ли я сам из похода, этого я не знаю, хоть и считают меня колдуном и провидцем. А потому прошу тебя, Эйнар Эйнарссон, обменяться брачными клятвами с Гунн. Она мне как дочь, и я хочу быть уверенным в том, что будет кому о ней позаботиться, если меня заберут к себе боги.

Эйнар нахмурился. Видно было, что предложение Фрости ему не пришлось по душе. Фрости же продолжал:

– Не знаю, как у вас, в Дании, но у нас принято отдавать девушек только после обмена брачными клятвами. Ты же давно делишь с ней ложе. И если ты сейчас мне откажешь, это будет тяжелой обидой не только для Гунн, но и для меня, ее приемного отца.

Эйнар молчал; видно было, что лицо его бледнеет, а в глазах бегают желтые и красные огоньки.

Фрости вздохнул и ушел. Следом за ним стали уходить люди Эйнара, не желая мешать раздумьям своего предводителя.

Кальва и Логи при этом разговоре не было. Был Берси Сильный. Он долго молчал, а потом изрек:

– Где подарок, там и отдарок.

Эйнар ему возразил, грустно усмехнувшись:

– Не ту поговорку ты выбрал, Берси. Теперь всё выходит по другой пословице – ничто не спасет обреченного.

Вечером Гунн и Эйнар обменялись брачными клятвами. Свадебный пир Эйнар отказался устраивать.

На следующее утро три судна отправились в Бьярмию. Лойвы были нагружены салом и маслом.

Логи Финн с ними не поехал. Он сказал, что с таким человеком, как Фрости, ему не по пути. Эйнар этому, похоже, обрадовался и назначил Логи главным на хозяйстве в Финнмарке.

62 Путь до Туломы, или Ближней Бьярмии, им был известен, и ветер был попутным, западным. Миновав Тулому, они через три дня достигли Гандвика, пересекли его и остановились на Моржовом острове. Там они два дня ожидали северного ветра, чтобы плыть по Колдовскому заливу на юг.

К концу второго дня Фрости объявил Эйнару, что если тот подарит ему серебряное обручье, то к утру подует попутный ветер. У Эйнара не было серебряного обручья. Такое запястье было у Кальва, и тот неохотно вручил его Фрости.

Наутро и вправду подул северный ветер, и они поплыли на юг, держась вдоль восточного берега. Плыли они и днем, и ночью, потому что ночи в этих краях такие же светлые, как и в Финнмарке.

Фрости стоял на корме и указывал рулевому, где глубина, а где мели. Было похоже, что он хорошо знает путь. Когда же Эйнар спросил Фрости, давно ли тот бывал в этих местах, лопарь ответил:

– Нам, колдунам, вовсе не обязательно путешествовать, чтобы знать пути и дороги.

К концу второго дня они увидели реку, в которую вело не менее пяти проток. К самому большому из островов, которые образовывали эти речные рукава, они причалили и там ночевали. Берега острова были покрыты оленьим пометом, и они назвали остров Оленьим.

Наутро они взялись за весла и стали подниматься вверх по широкой реке, пока не достигли большого поселения, которое местные жители называли Макимас. Там были причалы и рынок, а позади них холмы.

Пристав, они начали торг. Они накупили вдоволь товара: моржовых кож и клыков, бобрового и собольего меха. Эйнар и Кальв хотели купить горностаев, но Фрости сказал, что они в Макимасе слишком дорого стоят, и их лучше брать в другом месте. Фрости также указал Эйнару на некоторых торговцев, сказав, что они не бьярмы, а прибыли сюда с юга. Он их назвал народом вису. Они расплачивались серебряными монетами, которые Фрости назвал дирхемами. Были там и два торговца с северо-востока; Фрости назвал их рипеями. С этими своими соседями, южными и восточными, как объяснил Фрости, бьярмы ведут широкую торговлю, а люди, говорящие на языке данов, редко к ним добираются.

Когда все товары были куплены, Фрости сказал:

– Часть дела мы сделали, и теперь нам не нужно соблюдать мир с местными жителями. Поедем за горностаями.

Они оставили в Макимасе боевой корабль с товаром и дюжиной охранников, а сами на двух лойвах отправились дальше вверх по реке. Было их в общей сложности человек пятьдесят.

Как только сели на весла и отчалили, на копье у Эйнара выступила кровь. Он окунул копье в воду и смыл кровь. Но скоро кровь снова выступила на наконечнике. Эйнар в другой раз хотел омыть копье, но Фрости сказал:

– Чем больше будешь смывать, тем больше крови прольется.

Но Эйнар его не послушался и еще дважды окунул копье в воду. После третьего раза кровь на копье больше не появилась.

63 Тут надо сказать, что, в отличие от финнов, бьярмы смелые и хитрые воины. К тому же многие среди них колдуны, не менее умелые, чем лопари. Фрости как в воду глядел, и кровь пролилась трижды.

В первой битве, которая произошла после того, как Эйнар и его люди ограбили деревню и взяли там не только горностаевый мех, но и много монет-дирхемов, погибло двое дружинников. Люди Эйнара отважно сражались, но часто камни, стрелы и короткие копья, которые они метали в бьярмов, вместе со стрелами врагов неслись обратно на них самих, как будто дул сильный ветер, хотя никакого ветра не было. Эйнар наносил мощные удары своим мечом, но Эйнару все время приходилось выпрямлять клинок ногой, потому что меч гнулся. Если бы не чудесное копье, которое ему выковали Фрости и Отар Служанка, трудно пришлось бы Эйнару.

Во второй битве, возле другой деревни, бьярмы, когда поняли, что их грабят, встретили обидчиков таким градом стрел, что людям Эйнара почти не удавалось пустить в дело мечи и секиры; они с трудом могли выглянуть из-за щитов, которыми прикрывались. Лишь Эйнар со своим копьем разил врага направо и налево, потому что стрелы отскакивали от его оленьей рубашки. Он так разъярился, что глаза у него стали желтее, чем у матерого волка. Он вдруг увидел, что большинство стрел выпускают в них не воины-бьярмы, а какая-то женщина, которая будто гадает на пару, и стрелы летят из ее котла. Эйнар сообщил об этом Фрости; тот, как

и в первой битве, прятался у него за спиной. Фрости ответил, что он эту женщину не видит, но, судя по всему, это Ирпа. Кто такая Ирпа, Фрости не объяснил, но как только он произнес ее имя, град стрел тут же прекратился. В этой битве погибло пять эйнаровых дружинников.

Чем выше по реке – тем больше неприятностей и колдовства. В третьей битве предводитель бьярмов одновременно выпускал из своего лука три стрелы, и каждая разила наповал. Свейн Рыло, младший Кабан, прикрываясь щитом, подобрался к нему и с такой силой ударил по руке секирой, что рука его взлетела в воздух. Но бьярм произнес какое-то заклятие, рука вернулась на место и сразу же приросла. Другой бьярм превратился в огромного моржа и задавил трех человек. В общей сложности в этой битве погибло девять человек из дружины Эйнара, в том числе один из свинфилкингов, то есть берсерков-кабанов, но, слава богам, не Грим Копченый и не его брат Свейн.

После этого сражения Эйнар сказал:

– Скоро у нас в лодках будут одни горностаи, а людей не останется. Пора возвращаться.

Фрости с ним согласился, но сообщил, что поблизости есть еще одно место, которое глупо было бы пропустить.

Шесть человек они оставили охранять лодки, а остальные сошли на берег и углубились в лес. Фрости шел впереди Эйнара и Кальва.

– Сдирайте с деревьев кору, – велел он, – так, чтобы от одного такого дерева всегда можно было видеть другое.

Они так и делали.

Скоро они вышли на большую поляну. Середина поляны была огорожена высоким частоколом. Ворота в нем были заперты.

Фрости сказал, что им повезло, потому что одни стражники, охранявшие святилище, ушли домой, а те, которые должны их сменить, еще не пришли.

Фрости подошел к частоколу, посадил повыше небольшую секиру, которую ему дал один из берсерков, подтянулся, перелез через частокол и оказался по другую сторону ворот. Он вынул засов и открыл ворота. Но прежде чем люди вошли внутрь, Фрости велел:

– Ройте курган. В нем золото и серебро перемешано с землей. Вы увидите бога бьярмов, Йомали. Но пусть никто не посмеет его грабить.

Они пошли к кургану и выкопали из него столько сокровищ, сколько могли унести в своих одеждах. Фрости не брал ни серебра, ни золота, а вместо этого ссыпал себе в полу одежды золу с жертвенников.

Кальв подошел к статуе Йомали. На шее у бога висело огромное ожерелье. Кальв поднял секиру и рассек нитку, на которой оно держалось. Но удар был неточным, и у Йомали голова слетела с плеч. При этом раздался оглушительный грохот.

В тот же миг на поляну выбежал седой страж, затрубил тревогу, и скоро со всех сторон зазвучали рога. Эйнар и его люди приготовились обороняться, но Фрости велел им спокойно идти к лодкам по отметинам на деревьях, а остальное он, мол, берет на себя.

Он шел последним, зачерпывал из полы одежды золу и разбрасывал ее позади себя, а иногда бросал ее впереди на людей Эйнара. Так они шли через лес, а бьярмы с криками и страшным воем их преследовали, заходя то справа, то слева, то выбегая на тропу впереди них, но не оборачиваясь к ним лицом. Тогда они поняли, что бьярмы их не видят. И скоро преследователи повернули назад. А они вышли к лодкам и поплыли вниз по течению.

Они благополучно добрались до Макимаса, забрали боевой корабль и на трех судах направились к Гандвику.

Ночевали они на Оленьем острове, в дельте реки Вин.

64 Наутро стали собираться, чтобы продолжить путь. Но тут Фрости подходит к Эйнару и сообщает, что на острове есть высокий курган, в котором лежит некий Соти, и ночью возле кургана он, Фрости, видел множество блуждающих огней. Огни эти означают, как известно,

что в кургане зарыт клад. А посему Фрости предлагает Эйнару заглянуть в курган перед тем, как они отплывут домой.

Эйнар отказывается, говоря, что добыча их и так велика и на несколько лет хватит; что они уже ограбили одного местного бога и грабить теперь еще мертвеца Эйнар не собирается. А Фрости в ответ возражает, что вся добыча принадлежит Эйнару и его людям, а он, Фрости, за свои многочисленные услуги ничего толком не получил и даже в святилище Йомали не взял себе ни золота, ни серебра, чтобы побольше набрать волшебного пепла и тем самым спасти от преследования Эйнара и его дружину. Так что Эйнар у него, Фрости, в долгу.

– Ладно, – говорит Эйнар. – Я дам тебе в помощь Эрлинга Доброго. Ему терять нечего – он и так святотатец.

– Эрлинг не годится, – отвечает Фрости. – Только ты подходишь для этого дела.

– Это еще почему? – удивляется Эйнар. А Фрости встает на цыпочки, чтобы дотянуться ртом хотя бы до шеи Эйнара, и начинает что-то ему шептать. Эйнар сначала хмурился, затем погрузился, а потом несколько раз вздохнул и сказал:

– Хорошо. Я пойду. И возьму с собой не Эрлинга, а Кальва.

Фрости опять начинает возражать. Но Эйнар усмехнулся и говорит:

– Ты, похоже, оглох от жадности. Я сказал: Кальва возьмем с собой.

Никто этого разговора не слышал.

Людям велели продолжать сборы, а Фрости, Эйнар и Кальв удалились в глубь острова, сказав, что скоро вернутся.

Их так долго не было, что люди уже хотели отправиться на поиски, но тут пришли Эйнар и Кальв. Вид у Эйнара был изможденный, а с Кальвом творилось что-то неладное: он часто вздрагивал и озирался.

Эйнар сообщил, что Фрости встретил на острове каких-то своих знакомых, которые уговорили его погостить у них до конца лета.

О том, что они были в кургане Соты, как уже было сказано, никто из команды не знал. И никто не обратил внимания на медное обручье, которое появилось на левой руке Эйнара. Раньше на этом месте он носил золотое запястье.

65 Едва они отплыли, раздался страшный грохот и пошел кипящий кровавый дождь. Они прикрылись щитами, но все же многие были обожжены, и больше других Кальв, который вместе с Эйнаром прятался возле маленькой лодки. На Эйнаре была оленья рубаха, и он не пострадал.

На следующую ночь снова раздался грохот. Тут у Кальва и Эйнара мечи выскочили из ножен, а секиры и копья взлетели в воздух и начали сражаться. Люди опять прикрылись щитами, так что никто не пострадал, кроме Кальва; ему в предплечье вонзилось его же собственное копьё, и его извлек из раны Свейн Рыло, который среди людей Эйнара лучше других умел вытаскивать наконечники и обрабатывать раны. Эйнар опять не пострадал. А Кальв, когда оружие утихомирилось, стал бормотать про какого-то мертвеца, который их преследует и не даст уйти подобра-поздорову. Эйнар велел ему угомониться и не пугать людей.

К вечеру они вышли в открытое море. Но едва наступила третья ночь, опять раздался такой же грохот. На них налетело воронье, и казалось, что клювы и когти у птиц железные. Вороны бросались на них с такой силой, что им пришлось прикрываться щитами и защищаться мечами. Все же несколько людей были поранены, и на этот раз Эйнар; на темени у него образовалась широкая царапина, из нее сочилась кровь, остановить которую долго не удавалось ни Свейну Рыло, ни Матти Сутулому, также считавшему себя врачом.

Кальв на этот раз не пострадал. Но увидев кровь на голове своего друга, он будто потерял рассудок: принялся бегать по кораблю и требовать от Эйнара, чтобы он выбросил за борт то, что они отняли у мертвеца, а иначе мертвец и их сживет со света. Люди не понимали, о каком мертвце идет речь. Эйнар обнял друга и пытался его успокоить. Но куда там!

Кальв вырвался и стал бегать вокруг мачты, цепляясь за канаты. Мачта вдруг повернулась, ее рея ударила Кальва по голове и сбросила его за борт.

Кальва тут же кинулись спасать. Но когда вытащили из воды, увидели, что он мертвый.

Чудеса же с тех пор прекратились, и три судна со всем грузом благополучно достигли Финнмарка.

Лишь перед самой Альтой шедший впереди боевой корабль наскочил на подводный камень и на нем застрял. Эйнар велел спустить парус и взять шесты, чтобы столкнуть «Волка». Они попытались это сделать, но не смогли, так как с обеих сторон было очень глубоко, и шесты не доставали до дна. Был отлив, и им оставалось только ждать прилива.

Они увидели в это время в воде тюленя, который был гораздо больше обычных. Он плавал вокруг корабля, и у него были большие плавники. Всем им казалось, что у него глаза человека. Одни говорили, что у него глаза лопаря Фрости, другие возражали: нет, Кальва. Грим Копченый прохрипел что-то неразборчивое, и Свейн Рыло сказал, что его брат предлагает открыть мешок, в котором они везли тело Кальва, и посмотреть, его глаза или не его.

Все сочли это предложение неудачным. А Эйнар схватил копьё и метнул его в тюленя. Но зверь увернулся, копьё, до этого не знавшее промаха, упало в воду и утонуло.

Отар Служанка потом утверждал, что он видел, как тюлень схватил древко копья и увлек его за собой на дно. Кроме него, этого никто не видел.

66 Кальва со всеми почестями погребли в кургане на каменистой гряде у реки Альты.

Скроппе, его вдове, Эйнар подарил все свои владения в Волчьих Пустошах, но, как рассказывают, женщина отказалась от щедрого подарка и вернулась в Халогаланд. Как в Пустошах, так и у себя в Бодо она во всеуслышание обвиняла Эйнара в том, что он погубил ее мужа.

Когда Эйнару об этом сообщили, он сказал:

– Хочешь нажить врага, сделай человеку много добра.

Пока хоронили Кальва и пили тризну, Эйнар не только не делил ложа с Гунн, но ни разу не заговорил с ней и даже не смотрел в ее сторону. Когда же поминки закончились, Эйнар пришел в ее горницу, выгнал рабыню, запер дверь изнутри и сказал:

– Настала твоя очередь, лисица.

Лицо у Эйнара было ужасным. Но Гунн смело глянула в это лицо и сказала:

– Я знаю, что ты думаешь. Но клянусь Одином, которого ты чтить, я не виновата перед тобой. Он не посвящал меня в свои планы. Он меня так же использовал, как хотел использовать тебя.

– Зря виляешь хвостом, не поможет, – ответил Эйнар, снял с себя пояс и сделал из него петлю. А Гунн сказала:

– Тогда я сообщу тебе, что я от тебя беременна и рожу тебе сына, когда придет время.

У Эйнара пожелтело лицо, а глаза побелели – обычно у него было наоборот. Он набросил пояс на шею Гунн и затянул петлю.

А Гунн сказала:

– Нетрудно убить лису. Но неужели не жалко волчонка?

Другой конец пояса Эйнар перекинул через потолочную балку и потянул на себя, так что Гунн пришлось встать на цыпочки, чтобы не задохнуться. Она то ли закашлялась, то ли захихикала, то ли залаяла. И Эйнар услышал такие слова:

– Скоро еще... двое мертвецов... будут к тебе...

Эйнар не дал ей договорить и сильнее затянул петлю. Но почти тут же отпустил пояс, сбросил его с балки, отпер дверь и пошел к своей спальной нише, ведя Гунн на привязи, как козу или собаку. Рабу он велел позвать всех, кто случится поблизости. Когда люди пришли, у своей кровати Эйнар объявил, что он отказывается от брачных клятв, и Гунн ему больше не жена. Затем, не снимая с нее удавки, он повлек женщину к главным дверям дома и там

повторил те слова, которые сказал возле постели. А потом отшвырнул конец пояса и ушел в дом.

Петлю с Гунн снял Отар Служанка, а Матти Сутулый разыскал двух финнов и велел им проводить Гунн до Вороньего камня.

Никто из людей не понял, почему их предводитель так сурово обошелся с той, кого считали его женой. Но расспрашивать Эйнара никому не захотелось.

И лишь Логи Финн не смог сдержать своей радости и сказал Эйнару:

– Ну вот, наконец, избавился от Лединга и освободился от Дроми. – В те времена на языке северных людей это означало преодоление серьезных неприятностей.

Эйнар ему не ответил.

На следующий день он поровну разделил бьярмскую добычу, не только среди тех, кто вместе с ним плавал, но и среди тех, кто оставался в Альте и следил за хозяйством.

А еще через день объявил, что намерен переселиться на юг в Землю Квенов и возьмет с собой всех, кто за ним последует, но никого не неволит и всем желает удачи.

Некоторые из людей решили остаться в Финмарке, другие – вернуться на Лофотенские острова. Но многие захотели и дальше служить Эйнару Себезакону, и среди них Логи Финн, трое берсерков – Берси Сильный, Грим Копченный, Свейн Рыло, – а также Торир Длинный Кеннинг, Отар Служанка, Сигват Обидчивый, Эрлинг Добрый и Матти Сутулый.

Всё это случилось в том году, когда в далекой Ирландии викинги из разных земель объединились под властью Олава Хвитти. Но об этом пусть другие саги рассказывают.

Эйнарсага 67–78

67 Из Финмарка Эйнар со своими людьми переселился на юг, но не в Страну Квенов, а в Балагардссиду, на берег Залива Финнов, или Залива Эстов – его по-разному называют, в зависимости от того, с какой стороны этого залива живут. Место, в котором он обосновался, финны называют Порво, а шведы – Борго. Там течет река Порвойоки. Весной на ее западном берегу одуванчики быстро становятся белыми и облетают, а на восточном берегу долго остаются желтыми и семян не дают.

Очень скоро Эйнар Себезакон стал первым человеком в округе и самым богатым в Стране Финнов. Основное его богатство составляли олени. У него было шестьсот прирученных оленей, которых в этих краях называют *храна*. Были еще несколько десятков *стэлхрана* – оленей для заманивания, которые очень ценятся у финнов, так как с их помощью они заманивают диких оленей. Оленей своих Эйнар содержал на севере, на границе Финнланда и Финмарка; там были их пастбища и много людей охраны, состоявшей из финнов и квенов. А в Порво у Эйнара было сорок голов быков и коров, тридцать овец и двадцать свиней. Лошадей он держал главным образом для пахоты.

Корабельный мастер Сигват Обидчивый построил для Эйнара боевой корабль на двадцать гребцов. Нос и корма у него были обиты толстыми железными листами, доходящими до воды. Борта были ниже, чем обычно, выкрашены в яркие краски и украшены изображениями из золота и серебра. На верхушке мачты сидели позолоченные вороны, которые, поворачиваясь, указывали направление ветра. Парус был белый, как снег, и на нем были красные и синие полосы. Надстройка на корме была значительно выше, чем у других кораблей. Доски настила – добротные. Шатер – черного цвета, из толстого и дорогого сукна. Все канаты – из моржовой кожи. Корабль называли «Волком», потому что его носовой штевень украшала золоченая волчья голова. «Волк» этот был очень быстрым и маневренным, каких немного в Восточном море, и еще меньше в Заливе Финнов.

На «Волке» Эйнар плавал по Восточному морю и его заливам, а на север ходил на лойвах, поднимаясь вверх по реке Порвойоки до озера Лахти, а оттуда – в другие озера и реки, с волоками и без волоков.

Одевался Эйнар под стать своему богатству и своему кораблю. Одежды на нем были из самой дорогой ткани, которую только можно было достать на рынках в Балагардссиде или на Эйсюсле, почти все черного цвета. Гривны, обручья, кольца, фибулы и пуговицы – золотые и полновесные. Лишь на левой руке он носил медное запястье, то самое, которое привез из Бьярмии и которое никогда не снимал.

68 В Балагардссиде Эйнару Себезакону стали служить новые люди.

К трем берсеркам, которые пришли с ним из Финмарка, – Берси Сильному, Гриму Копченому и Свейну Рыло – прибавились еще пять берсерков.

Первого звали Бьёрн Краснощекий. Как и Берси Сильный, он был медвежьим берсерком. Это был человек высокого роста и крепкого сложения, с рыжей бородой, с темными густыми бровями и смотрел он очень неласково. Красношеким его прозвали за то, что когда он за один раз убивал несколько людей, лицо у него краснело. Он был свеем, или шведом, как теперь говорят.

Второй тоже был медвежьим берсерком. Звали его Торлак Ревун. Он был невысокого роста, но во время боя так громко и страшно ревел, что у его соратников, которые сражались поблизости от него, иногда закладывало уши, а многие враги пугались и бежали от одного его рева. Про него говорили, что он перед боем жует какие-то то ли грибы, то ли травы, отчего впадает в неистовство и, если ему дать секиру наподобие Злой Великанши – такая секира была у Берси Сильного, и обычный человек с трудом мог оторвать ее от земли, – то он, с виду невзрачный Торлак, этой громадной и тяжелой секирой будет легко размахивать. Не говорится, из каких краев был Торлак Ревун. Сейчас бы его назвали норвежцем.

Третьего звали Кетиль. Он был очень сильным человеком и, по его рассказам, однажды перед тем, как принести в жертву быка, он затеял с ним борьбу, одолел и, зарезав, напился его крови. С тех пор, дескать, он стал берсерком и из оружия предпочитал оглушать врага ударом тяжелого щита, а потом добивал палицей. Он, как следует из рассказа, был бычьим берсерком и свеем по происхождению. Прозвище у него было Немытый, может быть, потому, что он редко ходил в баню, объясняя, что от пара у него кружится голова.

Рэв Косой был четвертым. Он родился в Норланде и называл себя собачьим берсерком, потому, дескать, что в юности его покусала бешеная собака. Он долго болел, ослеп на один глаз, но не умер, как бывает после таких укусов, а поправившись, стал звереть, когда ему приходилось сражаться. Лицом он был безобразен. Несмотря на то, что у него был только один глаз, оставшимся глазом он был очень зорок.

Пятого, Глама, Эйнар долго не хотел брать к себе на службу. Потому что прозвище у него было Волк, а Эйнар считал, что среди них только один человек может быть волком – он сам, Эйнар Себезакон. Гламу отказали, и Свейн Рыло объяснил, почему ему было отказано. Но Глам не ушел из Порво. Каждое утро он будил Эйнара и его людей разными криками: то он лаял собакой, то ржал конем, то блеял козлом, то каркал вороной. Эйнару это надоело, и он велел привести к себе озорника. Тот говорит:

– Я готов тебе служить любым из животных. Хочешь, я рыбой буду кричать?

– Попробуй, – ответил Эйнар, и Глам ушел.

На следующее утро Эйнара разбудил рев белухи, который Эйнар не раз слышал на севере. Эйнар вышел во двор и говорит:

– Белуха – не рыба, а тюлень.

– Согласен, – отвечает Глам. – Согласен быть для тебя Тюленем, а не Волком.

Эйнару ответ понравился, и он разрешил Гламу остаться.

Его стали звать Глам Тюлень. Но прозвище не прижилось. На тюленя Глам совсем не был похож: глаза у него были серые и большие, волосы тоже серые. В скором времени все стали звать его Глам Серый. Когда небо серело, Глам старался держаться поближе к дому, а ночью избегал вообще выходить во двор. Когда кто-то поинтересовался, почему он себя так ведет, Глам ответил:

– Боюсь, что мой благодетель Эйнар опять примет меня за волка.

В бою, если дело было не ночью, Глам был отважным и умелым воином. Некоторые говорили, что он умеет сделать тупым любое оружие.

Глам Серый был шведом.

69 Про других новых дружинников Эйнара в саге так говорится:

Первого звали Бадвар Защи́тый Рот. Он был не в меру разговорчив и служил у конунга Эйрика, сына Эмунда из Упсалы. Однажды конунгу не понравились какие-то слова Бадвара, и он велел зашить ему нитками рот, как когда-то карлик Брокк поступил с богом Локи. Понимая, что до конунга Эйрика ему не добраться, Бадвар убил того, кто протыкал ему губы иглой, и одного из тех, кто держал его во время этого унижения. Отомстив, Бадвар бежал на север и долго скитался, пока не пришел к Эйнару.

Другого звали Коткель Одним Ударом. Он был родом из Согна. У него убили брата и на тинге назначили виру в две сотни серебра, что считалось тогда очень хорошим возмещением. Но Коткель сказал, что не собирается торговать братом и либо отправится за ним следом, либо дорого отомстит. Он убил трех человек и был объявлен вне закона. А прозвище свое он получил за то, что умел одним ударом отрубать головы, все равно чем: мечом или секирой. Он с юности оттачивал свое мастерство на животных и говорил, что когда придется ему умереть, он надеется, что и его одним ударом отправят в Вальгаллу. Одним ударом он убивал только в бою или на поединке, а когда однажды Эйнар велел ему убить трех пленных, Коткель отказался, сказав, что он воин, а не палач. Пленных казнил Эрлинг Добрый, на их беду, с нескольких ударов.

Третьим был Халльдор Павлин, швед из местности, которую сейчас называют Медельпадом. Он был так красив, что люди дивились его красоте. Но ему этого было мало, и он всячески старался себя еще больше украсить. Носил он только красную одежду из дорогой ткани. На нем всегда было множество украшений: браслетов, перстней, серег, шейных и головных обручей, цепочек, булавок и пряжек. Все они были бронзовые, частично покрытые оловом, так как серебро и тем более золото были ему не по карману. На теле его было множество татуировок, которые тогда только входили в моду. Говорится, что он пользовался красками для лица и что у него был целый набор мыльных камней. При всем при том он был умелым воином. Он, например, любил сражаться двумя мечами и так быстро ими взмахивал, что казалось, в воздухе летают не два, а три меча. Как-то раз Халльдор ехал через возделанное поле, и ему присудили заплатить штраф за каждое колесо телеги. Он еще раз поехал через то же самое поле, и на тинге назвали этот проезд «грязной дорогой», присудив нарушителю штраф в три раза больше первого. У Павлина таких денег не оказалось, и он был объявлен вне закона.

Четвертый – Храфн Злой Глаз – так звали человека из Северного Мёра. Он был завистлив и страдал от этого. А тут еще про него пошел слух, что у него дурной глаз. Когда у его богатого соседа вдруг вымер весь скот, люди обвинили Храфна в колдовстве и решили сжечь в его доме. Но Храфну удалось бежать.

Пятого звали Торгрим Умник. Он считал себя знатоком законов и на местном тинге часто пререкался с лагманом и другими судьями. Им это надоело, и они обвинили его в насилии над девушкой; он всего-то взял ее за руку, но она подала жалобу, и суд приговорил Торгрима к штрафу в полмарки. Торгрим решил обжаловать приговор местного тинга на тинге всех шведов. Но у лагмана, которому он надоел, в Упсале было много влиятельных друзей. Они добились того, что Торгрима не только не оправдали, но приговорили к изгнанию; прибывший на

суд отец девушки утверждал, что Торгрим, дескать, брал его дочь не только за руку, но также за плечо и за грудь.

Следующим был Ульв Однорукий из Раумсдаля. Правая рука у него была изувечена, и он прикреплял к ней щит, а сражался левой рукой.

Гейр Брюхотряс, когда отправлялись в поход, готовил для всех еду. Он умел это делать.

Еще были два финна: Флоки Олень и Арви Козел. Флоки управлял пастухами, которые пасли эйнаровых оленей. Арви же следил за теми животными, которых держали в Порво. Прозвище Козел он получил вот как: однажды Арви приснился козел, предложивший свою дружбу. Арви согласился, и с тех пор скот, за которым он ухаживал, быстро размножился.

За исключением финнов, все люди, о которых шла речь, были изгоями. Эйнар взял их к себе на службу, и они были за это ему благодарны.

Жили они в просторных и крепких домах, по три – по четыре человека. Почти у всех у них были женщины, у некоторых – жены и дети.

Со стороны залива усадьба Эйнара была надежно защищена непроходимыми болотами. На островке Крак перед входом в реку всегда дежурили дозорные. А в самом устье Эйнар велел натянуть канат, который находился под водой и был невидим. Если в реку пытался войти незваный корабль, и о нем сообщали дозорные, канат подводили под заднюю часть киля и натягивали с помощью корабельной лебедки. Корма поднималась вверх, нос погружался в воду, вода затопляла носовую часть корабля, и он переворачивался. Некоторые тонули, а других убивали или брали в плен.

70 С тех пор как Эйнар покинул Финнмарк и перебрался на берег Залива Финнов, полнолуния его больше не мучили. Даже когда полная луна большим желтым щитом поднималась над лесом, он чувствовал себя, как обычный человек: нюх у Эйнара не обострялся, силы не убывали и не прибывали, хотя некоторые из его берсерков испытывали беспокойство или сонливость; с ними это по-разному происходило.

Воином Эйнар оставался непобедимым и неуязвимым, и за те восемь лет, которые он провел в Стране Финнов, он ни разу не был ранен ни копьем, ни мечом, ни стрелой, ни камнем. У него было несколько шлемов, все вальской работы, все золоченые, а один был украшен драгоценными камнями. Щиты были также франкской работы, синие и красные, разных размеров, и на самом большом из них, красном, был изображен позолоченный волк. Ни кольчугами, ни доспехами Эйнар не пользовался, вместо них надевая оленью рубаху, ту самую, которую перед походом в Бьярмию для него сшила Гунн.

На левой руке у него всегда было медное обручье.

Все чтители Эйнара, почти никто ему не перечил: ни слуги, ни дружинники, ни самые свирепые среди них берсерки. Эйнар их досыта кормил и справедливо одаривал после походов. Ослушников же, которые все-таки изредка случались, примерно наказывал – так, чтобы другим неповадно было: рабов вешал вниз головой, прокалывая им щиколотки; вольноотпущенников и наемных работников он, как правило, не лишал жизни, а отрезал язык или уши, выкалывал один глаз, чтобы наказанные могли продолжать трудиться в хозяйстве. Пленных Эйнар делал рабами. И лишь одного колбяга держал в яме до Йоля, а потом велел сделать из него красного орла, принеся его в жертву, но не Тюру, а Одину.

Это жертвоприношение Эйнар совершил после того, как ему подряд приснились два сна. Они и до этого снились ему, но порознь и через большие промежутки времени. А тут приснились разом в одну ночь.

В первом сне ему снились два горноста, которые напали друг на друга, и один из них насмерть загрыз другого.

Во втором сне Эйнар становился то ли альвом, то ли маленьким огоньком и кружился сначала над каким-то курганом, повторяя: «так надо», «так надо», а потом летал над Финн-

марком, над лесами и над озерами Страны Финнов и говорил с грустью: «так нельзя», «так нельзя», «так нельзя».

Сны эти сильно досаждали Эйнару. Но после того, как он совершил человеческое жертвоприношение Одину, Эйнар перестал превращаться в блуждающий огонек, и горностаи ему больше не снились.

71 Каждый год Эйнар на своем «Волке» плывал на остров Эйсюслу. Там был большой рынок.

Однажды Эйнар оказался в шатре, который был разделен надвое пологом. Торговец поднял этот полог, и Эйнар увидел, что там сидело десять или двенадцать женщин. Торговец сказал, что Эйнар может войти туда и присмотреться, не купит ли он какую-нибудь из этих женщин. Эйнар так и сделал. Женщины сидели поперек шатра. Эйнар стал пристально их рассматривать. Он увидел, что одна из женщин сидела близко от стены и была бедно одета. У нее были черные волосы, и Эйнар заметил, что если не принимать во внимание этот недостаток, она очень красива. Тут Эйнар сказал:

– Сколько будет стоить эта женщина, если я ее куплю?

Торговец отвечал:

– Ты должен заплатить за нее три упсальские марки серебра.

– Мне кажется, – сказал Эйнар, – что ты ценишь эту рабыню слишком дорого, ведь это цена трех рабынь.

Торговец отвечал:

– В этом ты прав, что я прошу за нее дороже, чем за других. Ведь она дочь датского конунга.

Эйнар поинтересовался, как зовут рабыню, и узнал, что ее зовут Хильд.

– В Хордаланде я был знаком с хозяйкой Хильдигунн. В Финнмарке я делил ложе с колдуньей Гунн. Похоже, настал черед королевы Хильд, – произнес Эйнар и купил женщину, не торгуясь.

Хильд была не только красива, но оказалась такой мастерицей в рукоделии, что мало кто из женщин мог сравниться с ней в этом. Она умело ткала сукно, в вышивании была крайне искусна. Особенно удавались ей гобелены. Этому делу она обучилась у фризов, когда еще жила в доме своего отца. Эйнару она выткала флаг, который развевался на мачте его боевого корабля.

До того как он купил Хильд, Эйнар брал к себе на ложе разных женщин, рабынь и свободных. А теперь только Хильд имела доступ к спальне хёвдинга.

Логи однажды спросил Эйнара:

– Чем она тебя так пленила, что ты на других перестал обращать внимание?

– Ничем особенным, – ответил Эйнар. – Но не стану же я после нее спать с простолодинками.

– Ну так отпусти ее на свободу, женись на ней и стань зятем конунга. Думаю, он тебя за это богато одарит, – предложил Логи.

– У этого датчанина никогда не отыщется такого дара, чтобы отблагодарить меня за то, что я не побрезговал его чернявой дочуркой, – усмехнулся Эйнар.

Через год стало заметно, что Хильд беременна.

72 Хильд, что называется, была на сносях, когда из Финнмарка пришел человек по имени Керме, который объявил, что у него есть дело к хозяину усадьбы.

Эйнар вышел к нему на крыльцо. Тут Керме развязал мешок, который держал за спиной, и достал из него три рубашки из оленьих шкур. Он сообщил, что эти рубашки сшила его хозяйка Гунн и велела доставить их ее мужу, Эйнару, который живет в Финнланде. К этому Керме добавил:

– Рубашка, которую она тебе сшила когда-то, скоро утратит свою силу. А этих тебе надолго хватит. Так она велела передать. И вот, я передал.

Эйнар на это ответил:

– Нет у меня никакой жены. Это ты передай той, что тебя послала. А рубашки я, пожалуй, приму. Но сначала проверю их на тебе.

Надели на посыльного одну из рубашек и поставили к стене амбара. Матти Сутулый взял лук и выпустил в финна одну за одной три стрелы. Матти был отличным стрелком. Но две его стрелы пролетели мимо цели, а одна попала Керме в грудь и упала к ногам, будто была на излете.

Эйнар принял рубашки, одарил посланца серебряными монетами и велел дать ему кров, еду и вдоволь припасов на обратную дорогу.

Когда его увели, Логи сказал Эйнару:

– На твоём месте я бы не брал этих рубашек.

– Ты не на моем месте, – ответил Эйнар и правой рукой погладил медное обручье на левой руке.

На следующее утро Керме ушел. А вечером Эйнара позвали в горницу к его наложнице. Хильд лежала на постели и стонала. Увидев Эйнара, женщина сообщила, что ее топчет мара. Эйнар, желая помочь, стал гладить ей голову. А Хильд закричала, что теперь мара топчет ей ноги. Эйнар схватил ее за одну ногу, служанка – за другую. И тут у Хильд от боли выпучились глаза, изо рта потекла струйка крови; видать, мара снова сжала ей голову и так сильно, что женщина сразу же умерла.

Эйнар пообещал служанке, которая ухаживала за Хильд, что на живот ей поставят чашу с горящими углями и будут держать до тех пор, пока она не расскажет всю правду. Рабыня не стала дожидаться пытки и призналась, что Хильд велела ей выкрасть одну из оленьих рубашек, надеть на нее и попытаться проткнуть рубашку ножом. Служанка так и сделала. А после испытания вернула рубашку на место.

Эйнар поинтересовался, удалось ли проткнуть. Служанка ответила, что не удалось, хотя много раз пытались.

Эйнар велел уточнить, сколько раз. Служанка сказала: семь или восемь.

Эйнар снова поинтересовался, острым ли был нож. Рабыня заверила: очень острым.

Тогда Эйнар велел принести тот самый нож и восемь раз ударил им рабыню. Та умерла после второго удара.

– Узнаю лисицу. Рубашки отменные, – сказал Эйнар и велел догнать того, кто принес рубашки.

Но его и след простыл.

Всё это случилось в том году, когда шведский конунг Олаф совершил поход на куров. Но об этом говорится в других сагах, и некоторые называют конунга не Олафом, а Эриком, сыном Эмунда.

73 Хотя все земли, лежащие к югу от Балагардсиды, обычно именуют Страной Эстов, настоящие эсты живут на континенте от реки Нарва до реки Перны. Они говорят почти на том же языке, что и финны, и вполне понимают друг друга. Западное побережье их земли называется Адальсюсла. Там находится их самое большое поселение, которое зовется Равали. Но большие корабли там редко причаливают, и хорошего рынка там не бывает. Напротив же Адальсюслы лежат два острова: большой – Эйсюсла и поменьше – Дагё. На Дагё живут только эсты. На Эйсюсле помимо эстов селятся также ливы и латы. Языки, на которых разговаривают эти два народа, напоминают язык прусов, а на языки финнов и эстов совершенно не похожи. Но те ливы и латы, которые обосновались на Эйсюсле, часто женятся на женщинах эстов, и дети их говорят на обоих языках.

На Эйсюсле, как уже говорилось, есть большой рынок, и туда заходят многие корабли из северных и восточных стран.

Дальше на юг, между Пернасау и Винасау, живут ливы.

А еще дальше, между Виной – ливы называют ее Даугавой, латы Диной – между этой полноводной рекой и рекой Вентой, обитают латы.

За латами, до реки Нямана, находятся земли куры. У них есть пять городов, из которых самый известный Апулис, как зовут его куры, или Апулия, как его называют норманны.

Куры – народ воинственный, и потому Эйнар со своими людьми только торговал с ними, а промышлял среди эстов, ливов и латов.

За курами живут прусы. Они еще более воинственные, чем куры. Их самый северный город зовется Кауп, а самый крупный на юге – Трусо. Там бывают хорошие рынки. Однако они уступают рынку на Эйсюсле, который вполне можно сравнить с рынками в Бирке и в Вастергарне на Готланде.

74 Когда-то в этих краях почти вся торговля была в руках гаутов – жителей острова Готланд. Их называли «восточными фризами». Они торговали по всему Восточному морю, а также по рекам Висла, Няман и Вина-Дина, отправляя свои товары в дальние южные страны и получая оттуда серебро, золото, драгоценные камни, дорогие ткани, украшения, утварь и многое другое.

Но с некоторых пор у них появились соперники. Финны и эсты называют их руотси, а сами они называли себя ропсманнами, ропскарлами или коротко – росами.

Трудно сказать, какого они рода. Большинство из них, похоже, были свеи, из Упсалы или с береговой полосы Рослаген. Но были среди них шведы из других областей, а также континентальные йоты, финны, литы, прусы и даже куры. Они говорили на разных языках, но цель у них была единой: оттеснить гаутов от торговли с южными странами и взять под контроль реки, ведущие на юг, Дину – в первую очередь. В устье этой реки они основали Сьёрборг, хорошо укрепленный город. Двигаясь на веслах по этой широкой реке, росы добирались до крепости поменьше, которая называлась Динаборг. Там была дорога и был волок до поселения *Росабу*, «Гнезда Росов». Поселение это находилось в верховьях другой большой реки, которую чаще всего называют Данапр, а древнее ее название – Борисфен. Река эта вытекает из Оковского леса, течет на юг и впадает в Понт-море. В среднем течении Данапра есть город, который живущие там люди называют Киова, хазары – Куяба, а северные люди – Кенугард. В этом городе – в те времена, о которых рассказывается в саге, – жили люди, называемые русами. О русах еще сложнее сказать, какого они племени. Но, говорят, шведы среди них верховодили.

Русы редко навевались в Восточное море. Они обычно поднимались вверх по Данапру до Росабу и там торговали с росами. Полученные от них товары они известными им путями переправляли в реку Угру, оттуда – в Оку, а оттуда в большую реку Итиль, на которой живут болгары, хазары и другие племена и народы, с которыми русы торговали.

С русами торговали не только росы, но и гауты. Но росы, тесня гаутов, запретили им плавать по Винасау, и гауты стали добираться до русов по реке Нарва, которая течет через земли эстов и кривов.

С русами, которые из Кенугарда, Эйнар не встречался. А с росами, центр которых в Сьёрборге, Эйнару пришлось несколько раз сразиться, когда они поначалу пытались ограбить его корабль. Ведь в отличие от гаутов, росы не только торговцы, но и разбойники. Росы отличные воины, но Эйнар оказался им не по зубам: он со своими людьми отбил нападение, захватил и очистил корабли росов, многих убил или выбросил за борт, а немногих распоясанными отпустил на берег, чтобы они рассказали другим, кто такой Эйнар из Борго и сколь опасно с ним мериться силой. Как говорится, у молвы быстрые ноги, и скоро росы перестали нападать на «Волка», предпочитая мирно торговать с его владельцем.

75 Промышляя на восток вдоль Балагардсиды, Эйнару однажды пришлось несколько дней ожидать попутного ветра на острове, который финны называют Рету. Ветер долго не менялся, и Эйнар, чтобы скрасить ожидание, решил поплыть дальше на восток. Он вошел в протоку, в которой вода была пресной и было течение, какое бывает в реке. Двигаясь на восток по этой протоке, они через шесть морских миль оказались в большом озере. Там они встретили гаутов и от них узнали, что озеро это почти такое же большое, как Залив Финнов, что гауты называют его *Ванаватти*, Озером Ванов, или *Йеттеватти*, Великим Озером, а местные жители зовут его Ладогярви, потому что по южному и восточному его берегам живет народ ладога. На западном побережье живут карелы, а вдоль реки, которая с юга впадает в озеро, живут волхи.

Несколько дней Эйнар и его люди промышляли среди этих племен и взяли там много ценного меха у ладогов, а у волхов – нескольких молодых девушек, такой красоты, какую редко встретишь у финнов и даже у шведов.

Больше в тот год ничего важного не случилось.

76 Следующей весной, до того как отплыть на Эйсюслу, Эйнар отправил туда на малом корабле Логи Финна и Торира Длинного Кеннинга. Он им велел присматриваться к каждому кораблю, который зайдет на остров.

Когда же он сам с товаром приплыл на Эйсюслу, Логи и Торир доложили ему о своих наблюдениях и представили целый список корабельщиков, среди которых были и люди конунга, и росы, и заезжие викинги, и гауты с йотами. О каждом из корабельщиков Логи и Торир собрали сведения. Эйнар их внимательно выслушал, изредка задавая вопросы, а потом объявил, что более других заинтересовал его человек по имени Хельги Верный.

Хельги этот был знаменит тем, что нападал только на разбойников. Он отбирал у них товары, захваченных ими рабов отпускал на свободу, а самих разбойников, тех, которые не гибли в сражении, высаживал на пустынных островах, где некоторые умирали от голода и жажды, но многих подбирали проходившие мимо корабли и нередко продавали их в рабство. Разные люди встречались среди этих разбойников, но были среди них и динские росы.

Росы, которые хорошо знали друг друга, объединившись, несколько раз пытались сами напасть на Хельги и отомстить за свои поражения. Но тот либо уходил от них на своем быстром «Змее», когда силы были слишком неравны, либо давал им бой, и когда вступал в сражение, всегда побеждал. Сам он и его люди были бесстрашными и умелыми воинами. Берсерков среди них не было ни одного, но многие из дружинников Хельги не знали себе равных во владении тем или иным оружием.

Нередко Хельги выходил в море на торговом корабле и отправлялся в те места, где обычно собираются викинги и где они промышляют, чтобы те напали на него и он мог наказать их за их злодеяния и поживиться награбленным.

Хельги и его люди плавали по всему Восточному морю, но жили они на островах, которые сейчас называются Аландскими, а тогда назывались Квенскими.

Хельги Верный был сыном ярла. Не говорится, как звали его отца и ярлом какого северного фюлька он был. Известно, однако, что отца Хельги уже давно не было в живых.

Остановив свой выбор на Хельги, Эйнар захотел встретиться с ним и для этого собирался отправиться на Аландские острова. Но надобность в этом отпала, потому что как раз в это время корабль Хельги приплыл на Эйсюслу. Тут они и встретились впервые, Эйнар Себезакон и Хельги Верный.

Хельги был моложе Эйнара на двенадцать лет, ему тогда исполнился тридцать один год. У него были стройное, во всем соразмерное и пышущее здоровьем тело, золотистые, как шелк, волосы и очень красивые глаза, которые смотрели ласково и внимательно.

Эйнар предложил Хельги дружбу и пригласил его совершить совместный поход на Великое озеро.

Хельги учтиво поблагодарил Эйнара и сказал, что слышал о нем много хорошего и ничего плохого не слышал. Однако на приглашение не отозвался.

Тогда Эйнар так повел речь. Сначала он подробно описал Великое озеро, а также путь туда и ветры, которые там дуют.

Хельги выразил благодарность за предоставленные ему сведения.

После этого Эйнар стал расхваливать богатства, которые там можно добыть, обращая особое внимание на шкуры черных лисиц, соболей и, если дальше продвинуться, даже горностаев, которые, как известно, не чета белкам, бобрам и куницам, которыми торгуют на Балгардссиде и в Стране Эстов.

На это Хельги вежливо заметил, что он и его люди ничуть не брезгают белками и бобрами.

Тогда Эйнар принялся превозносить красоту девушек и женщин, живущих по берегам той реки, которая с юга впадает в Великое озеро.

Хельги улыбнулся и сказал, что с красивыми девушками у него и у его друзей никогда не возникало трудностей.

В ответ на это Эйнар возразил, что в прошлом году он за этих восточных девушек на рынке в Эйсюсле получил по две свейские марки серебра за каждую.

Хельги понимающе кивнул и радостно поздравил Эйнара с удачной сделкой.

Видя, что разговор не клеится, Эйнар привел последние из имевшихся у него доводов: росы захватили торговлю в Стране Эстов и снижают цены на Эйсюсле, в Сьёрборге и в Каупе; местные жители стали объединяться и научились защищать свои поселения, вследствие чего среди них все труднее промышлять деловым людям; наконец, как стало известно Эйнару, слава Хельги настолько распространилась, что викинги его опасаются и перестали на него нападать, и стало быть, ему и его людям мало чем теперь можно поживиться. В то же время на востоке, на берегах Великого озера...

Тут Хельги встал со стула, ласково улыбнулся Эйнару, дружески пожал ему руку и сказал, что он и его люди не для того ушли с Западного пути, чтобы стать грабителями на Восточном. Но он, Хельги Верный, очень рад знакомству с Эйнаром Эйнарссоном и, если тому случится проплывать мимо Аландских островов, его там ждет самый дружеский прием.

На этом встреча двух предводителей закончилась.

77 Эйнар вернулся в шатер, где его поджидали Логи, Торир Длинный Кеннинг и Берси Сильный.

Эйнар не стал им рассказывать о своей беседе с Хельги, но сообщил:

– Еще ни разу не получал такого дружелюбного отказа.

Помолчали. Потом Торир сказал:

– А не попробовать ли тебе переговорить с другим корабельщиком?

– С кем еще? – спросил Эйнар. Лицо у него было мрачным.

Торир стал рассказывать, и вот что он рассказал. Звали корабельщика Ингвар Сокол, потому что он плавал на большом торговом корабле, на штевне которого была золоченая голова сокола. У Ингвара была большая и воинственная команда, однако он, насколько известно, никого не грабил, торгуя главным образом с гаутами, но также с прусами, рядом с которыми у него было главное имение. В дружине его были люди из разных земель: гауты, йоты, свеи, остфольдцы и вестфольдцы, а также прусы, венды, даны, франки и даже фризы. Ему и его людям всегда сопутствовала удача, потому и прозвали его *Фрамвитанд*, Знающий Наперед. По слухам, отцом его был шведский конунг, который лишился своих владений и женился на вендской княжне. Но родители Ингвара давно умерли, и сам он человек пожилой. Два дня назад его кнарр причалил к Эйсюсле, и Эйнар легко его отыщет, потому что у этого корабля высокие борта и на корме такая высокая надстройка, что ничем, кроме стрел и копий, нельзя

достать того, кто на ней находится. Изображение сокола он всегда снимает со штевня, когда входит в гавань, чтобы сокол своим хищным клювом не напугал местных духов земли.

Судя по лицу Эйнара, он слушал Торира с интересом.

Когда тот закончил, Логи сказал:

– Сомневаюсь я в его удаче, если он вместо того, чтобы стать конунгом и править в Упланде или в Стране Вендов, плавает в нашем захолустье и торгует с дикарями.

А Торир Кеннинг стал рассказывать о том, что, в отличие от других торговцев, он, Ингвар Сокол, ни разу не был никем ограблен, ни викингими, ни росами. И уже это одно можно считать удачей. К тому же, как говорят, он весьма преуспел в торговых делах. У него три корабля и два больших имения: одно – возле Каупа, другое – в районе Трусо.

Тут Логи сказал, обращаясь к Эйнару:

– Сын ярла тебе отказал. Хочешь, чтоб отказал сын конунга?

Думали, Эйнар рассердится на такие слова. Но Эйнар усмехнулся и ничего не сказал.

Вместо него ответил Берси Сильный.

– Дерево не от первого удара падает, – изрек старший берсерк.

Эйнар усмехнулся во второй раз. А потом велел оставить его одного, потому что ему надо подумать.

На следующее утро Эйнар отправился к Ингвару. Тот жил не в шатре, а в просторной землянке. У входа в землянку Эйнара встретил человек, ростом и телосложением похожий на великана. В руке он держал дубину, похожую на целое дерево. Узнав у Эйнара, кто он такой и зачем пожаловал, великан ушел в землянку, а потом вернулся и пригласил Эйнара войти.

В глубине за столом сидел невысокий человек лет пятидесяти. Известно, однако, что Ингвару в тот год было пятьдесят пять лет, и он был на двенадцать лет старше Эйнара. У него была большая и круглая голова. Он был коротко стрижен, что делало почти незаметной его лысину. Бороды у него не было, а усы топорщились в разные стороны и были седыми. Глаза его были такими светлыми, какие редко встретишь, но смотрели устало. Одет он был недорого и небрежно. Но на груди у него висела подвеска из чистого золота, на которой был изображен сокол.

Рядом с ним стоял другой великан. За поясом у того был меч.

Ингвар встал навстречу вошедшему, протянул Эйнару руку, усадил рядом с собой и велел принести браги.

Они спросили друг друга, что слышно нового, поговорили о всякой всячине, и наконец Эйнар стал предлагать Ингвару то, что накануне предложил Хельги Верному.

Ингвар, как показалось Эйнару, не слушал его, думая о чем-то своем и глядя куда-то мимо. А когда Эйнар кончил говорить, грустно улыбнулся и сказал:

– Я согласен. Но при трех условиях.

– При каких? – спросил Эйнар.

– Мы должны стать побратимами.

Эйнар, почти не думая, ответил:

– Это условие я принимаю.

– Мы будем соблюдать семь общих для всех нас законов. Это мое второе условие, – сказал Ингвар.

Эйнар поинтересовался, какие законы, и Ингвар их перечислил.

Тут Эйнар думал, и довольно долго. А потом сказал:

– Это условие я тоже согласен принять. А третье условие какое?

– Мы возьмем с собой Хельги Верного и его людей.

Эйнар усмехнулся и ответил:

– Это условие я хотел бы принять. Но не смогу.

Эйнар ожидал, что Ингвар спросит, почему он не сможет. Но Ингвар тоже усмехнулся и ничего не спросил.

Пришлось заговорить Эйнару.

– Я вчера беседовал с Хельги, – сообщил он. – Я предложил ему то, что предложил тебе, и он мне отказал.

Тем временем принесли брагу и подали чаши. Ингвар предложил выпить за встречу, пригубил из чаши, а потом сказал:

– Мы с Хельги друзья. Когда-то он защитил меня от разбойников, а теперь иногда берет моего «Сокола», чтобы заманить и наказать грабителей. Хельги нам не откажет, если мы вместе его позовем.

Хельги, когда за ним послали, не заставил себя ждать. Он вошел в землянку и сел за стол. Ингвар пересказал ему тот разговор, который произошел между ним и Эйнаром.

Хельги слушал с почтительной улыбкой на лице. И когда Ингвар закончил, возразил:

– Ты знаешь, я не желаю больше быть викингом.

– Ты им больше не будешь, – сказал Ингвар.

– Этот уважаемый человек, Эйнар, сын Эйнара, предлагает делать из людей рабов, – сказал Хельги.

– Люди, к которым мы отправимся, сами называют себя славами, то есть рабами, – сказал Ингвар.

Хельги ненадолго задумался, потом улыбнулся сначала Ингвару, затем Эйнару и заявил:

– Я сказал то, что хотел сказать. А теперь ты, который всё наперед знаешь, ответь мне: я соглашусь быть с вами или не соглашусь?

– согласишься, – ответил Ингвар.

– Тогда я согласен, – сказал Хельги.

Так закончился их разговор.

78 На следующий день они совершили обряд побратимства, пройдя под длинной полосой дерна, отделенной от земли и подвешенной на копьях, на которых были вырезаны нужные руны. Первыми между копий прошли Ингвар, Эйнар и Хельги, за ними – их люди.

После обряда они поклялись соблюдать семь законов, которые провозгласил Ингвар. Не говорится, что это были за законы, но сказано, что все они по очереди вставали на чурбан и призывали в свидетели богов: Эйнар и его люди – Одина, Хельги и его дружинники – Фрейра и Тора, а Ингвар и его спутники – Всеотца.

Они договорились, что отныне будут называться верингами, дабы и по названию отличаться от викингов и росов.

После этого устроили пир.

Надо сказать, что почти все люди с трех кораблей охотно участвовали в этих обрядах. Лишь некоторые выразили сомнения и опасения. И среди них – Логи Финн. Он еще накануне обряда, когда Эйнар сообщил ему о том, о чем они договорились с Ингваром и с Хельги, заявил:

– Не нравится мне третье условие сделки. Они заодно, и их теперь двое против тебя одного.

– Среди побратимов все заодно, – ответил Эйнар.

– Люди, как и судьба, переменчивы, – сказал Логи.

А Эйнар в ответ:

– Был бы здесь Берси, он бы сказал: только боязливый дожидается вечера.

– Ты никогда не слушаешь моих советов, – сказал Логи.

– Очень внимательно слушаю. Но поступаю наоборот, – возразил Эйнар.

– Почему? – спросил Логи.

– Потому что ты финн, – ответил Эйнар.

Логи обиделся и хотел отойти от Эйнара, но тот взял его за руку и сказал:
– Я ценю тебя как советника. И если бы ты сейчас поддержал наш союз, я бы от него тут же отказался.

Логи не нашел, что на это ответить.

Но на следующий день первым из команды Эйнара прошел под полосой дерна.

Всё это случилось за год до того, как Хальвдан Черный утонул в озере Рёнд и конунгом вместо него стал его сын Харальд.

Эйнарсага 79–94

79 В том же году, летом, побратимы на трех кораблях – «Волке», «Змее» и «Соколе» – отплыли от Эйсюслы и двинулись сначала на север, а потом – на восток вдоль южного берега Залива Финнов. Ветер им благоприятствовал, и они через несколько дней достигли острова Рету, который, как было сказано, лежит у входа в Протоку.

Там жило несколько людей, которые, как выяснилось, оказывали различные услуги гаутам и йотам, проплывавшим этим путем. Веринги – так отныне называли себя люди Эйнара, Хельги и Ингвара – приняли этих людей за эстов. Но те сказали, что они не эсты, а принадлежат к племени ишоров, которые живут на землях между рекой Лугой и Протокой. А дальше, по обеим берегам Протоки, живут невы. Они Протоку называют Невайоки и отсюда производят свое название.

Одного из ишоров Эйнар взял к себе проводником, потому что, как тот заявил, он хорошо знал течения и глубины в Протоке. Звали его Пелга.

Они вошли в Протоку и остановились на ночлег на острове, который, как сообщил им Пелга, назывался Заячьим. Ни одного зайца, однако, они там не обнаружили, а Пелга объяснил, что их всех перебили невы и гауты.

На следующий день они на веслах, преодолевая течение, дошли до конца Протоки и остановились отдыхать на другом острове, который Пелга назвал Ореховым. Орешника там было предостаточно.

На следующее утро они вышли в Великое озеро, поставили паруса и поплыли на север вдоль западного берега, пока не достигли мыса, который еще в прошлом году приметил Эйнар. Там была тихая бухта и ровный, пологий, песчаный берег, на который легко было вытащить корабли. В конце мыса были гранитные скалы, и на одной из них, плоской, широкой и длинной, был высечен тролль. А потому место это они назвали *Троллнес*, Мысом Тролля. Там они остановились и стали делать себе землянки.

Оказалось, что в этих местах во множестве водится крупный лосось, и они несколько дней рыбачили и коптили рыбу, пополняя свои запасы. После этого, выставив от каждой команды по несколько охранников, сели на корабли и разъехались в разные стороны: Эйнар поплыл к Южной реке, которую местные вессы называют Хем, а славы – Волховом. Хельги отправился на север. Ингвар же, доплыв вместе с Эйнаром до Южной реки, продолжил свой путь на восток вдоль южного берега Ванаватн.

80 Когда веринги Эйнара сели за весла и стали подниматься вверх по Южной реке, какие-то люди, то ли славы, то ли ладоги, выскочили на берег и принялись стрелять из луков. Но они были плохими лучниками, и лишь две стрелы вонзились в щиты, которыми прикрылись веринги, а другие пролетели мимо, никого не задев. Лучники Эйнара во главе с Матти Сутулым ответили им залпом из своих луков и некоторых нападавших убили на месте, а другие попрятались за деревьями.

– Похоже, нас ожидали. Запомнили нашу прошлогоднюю прогулку, – сказал Логи Финн. Эйнар ему не ответил.

Но когда до ближайшего селения славов – как уже говорилось, они называли себя волхами, – оставалось совсем немного, Эйнар велел берсеркам высадиться на берег и подойти к селению с другой стороны. Так и сделали.

Возле селения их действительно ожидали. Едва они стали сходить на берег, человек двадцать рослых и широкоплечих волхов, вооруженных кто мечом, кто копьем, кто рогатиной или вилами, с яростными криками кинулись на верингов. Но люди Эйнара сначала выстроились «скалой» и встретили дикарей копьями, а когда те, все еще истошно вопя, отхлынули назад, веринги перестроились в «кабанью голову» и врезались в волхов, рубя их направо и налево. Они это делали молча, как дровосеки в лесу. Отар Служанка и Коткель Одним Ударом работали секирами, Халльдор Павлин, Храфн Злой Глаз и Ульв Однорукий рубили мечами. Остальные прикрывали щитами себя и своих товарищей и кололи врага копьями. А Эйнар и Логи защищали их сзади.

Недолго длилось сражение. Волхи, когда у них с полдюжины человек было убито, а у дюжины были отрублены у кого рука, у кого нога, перестали кричать и побежали в селение. А там уже были эйнаровы берсерки. Но они, как им было велено, не стали ни убивать, ни преследовать бегущих, а ловили и вели в центр селения девиц и детей, которые тоже пытались спастись бегством. Их они выстроили на площади, и Логи и Эйнар отобрали нескольких красивых девушек и крепких высоких мальчиков. Веринги также обошли дома и взяли то, что им удалось обнаружить: главным образом, серебряные и стеклянные украшения, а также беличьи, лисьи и выдрыные меха. Эйнаровы финны тем временем запасались мясом и зерном. Все веринги вели себя мирно: никого не убивали и домов не жгли. Однако пришлось отрубить руку одной женщине, которая кинулась с топором на Эрлинга Доброго и Торгрима Умника, когда они повели девиц к кораблю, и оглушить поленом одного старика, который не хотел отдавать Гламу Серому серебряную с позолотой фибулу для плаща.

Потом они поплыли дальше вверх по реке и в следующих селениях так же охотились.

Они не торопились и больше одного селения в день не обрабатывали.

К городу волхов они добрались через несколько дней. Гауты называли его Алдейгьюборгом, потому что на этом месте когда-то жили алоды, которых волхи прозвали ладогами. Но Эйнару название показалось слишком длинным, и он, а следом за ним и его люди, стали называть это место Алдея. Волхи называли его Ладогой, и так же именовали они Великое озеро. В городке было несколько десятков домов, и с севера, запада и юга он был окружен валами и частоколом. С восточной стороны был обрыв, который спускался к реке. На этом обрыве стояли вооруженные люди. Среди них Рэв Косой своим острым зрением разглядел нескольких гаутов.

Эйнар приказал проплыть мимо города. Через четверть мили они причалили к берегу, и Эйнар велел Пелге – этого ишора он взял с собой – пробраться в город и на следующее утро, едва начнет светать, открыть ворота.

Пелга не подвел, и веринги без труда овладели Алдеей. Жители мирно спали, когда люди Эйнара вошли в ворота и заняли удобные позиции между домов. Пришлось убить нескольких волхов и нескольких ладогов. Один из волхов, выскочив из дома с копьем и увидев перед собой Берси Сильного, успел разъяриться, но не успел испугаться, и Берси, чтобы остудить его пыл, ударил его обухом своей Злой Великанши, но не рассчитал удара, и череп несчастного разлетелся на куски. Другой волх, выбежав во двор с обнаженным мечом и увидев перед собой Ульва Однорукого, похоже, решил, что с одноруким он легко справится, но Ульв был левшой и ударил нападавшего с той стороны, с которой тот не ожидал, разрубив ему челюсть и подбородок. Третий был громадного роста, и увидев перед собой низкорослого Свейна Рыло, решил ударить его тяжелой дубиной, которую, как легкую палку, держал в одной руке. Но Свейн уклонился от удара и сказал:

– Что-то ты чересчур высокий для меня. Придется укоротить.

И с этими словами, пока волх-великан во второй раз заносил дубину, двумя быстрыми ударами отрубил у него сначала ногу, а когда тот упал, то и голову.

Ладоги же погибли потому, что достали луки и наложили на них стрелы, так что лучникам Эйнара пришлось пристрелить их до того, как они сделали первый выстрел.

Всё это время Пелга-ишор кричал на местных языках, что веринги не тронут того, кто не будет сопротивляться, и что мужчины могут бежать через открытые ворота или прыгать с обрыва в реку. Так ему велел делать Эйнар. И многие жители Алдеи-Ладоги воспользовались подсказкой и спаслись бегством, видя, что сопротивление бесполезно и надо спасать свою жизнь, потому что другое уже не спасешь.

Возле речушки, которая впадает в Южную реку, в соседних домах жило несколько гаутов. Они вооружились и приготовились сражаться. Но Эйнар вышел против них вместе с искусными фехтовальщиками, Ториром Кеннингом и Халльдором Павлином. Втроем они быстро обезоружили пятерых гаутов, и Эйнар сказал:

– Мы с вами близкой крови. Мы не тронем ни вас, ни вашего имущества. Возвращайтесь в свои дома и не выходите наружу, пока мы не окончим охоту.

Один из гаутов хотел было возразить, но другой гаут зажал ему рот, и все они разбрелись по своим домам.

А Эйнар и его люди занялись сбором добычи. Девиц и мальчишек они набрали так много, что пришлось взять у волхов большую лодку. По виду она напоминает финскую лойву, но киль у нее состоит из ствола целого дерева, и волхи называют ее лодьей. У них есть также малые лодки, которые они делают из сплетенных прутьев, обтянутых кожей. Они называют их корбами.

Погрузив добычу на лодью и привязав ее к «Волку», они поплыли дальше по Южной реке и охотились там, пока не достигли порогов. Тогда они повернули назад и с добычей вернулись в Трольнес. Ни горностаю, ни соболя, ни черной лисицы они не добыли, но девиц и крепких мальчишек привезли изрядно.

81 Теперь пора рассказать о том, как промышляли Хельги и Ингвар.

Хельги, как было сказано, отправился на север и охотился на северном берегу Йеттеватна среди карелов. Береговая полоса там сильно изрезана, там много шхер и есть острова. Хельги и его люди брали только меха, а рабов не брали, потому что Эйнар предупредил, что карелы и прочие полуфинны на рынке едва тянут на полмарки, и стоит ли с ними возиться, когда на Южной реке можно добыть сколько вместится славов и славок. Зато меха здесь были дороже, чем на юге, и помимо белок и рыжих лисиц, удалось разжиться двумя дюжинами куниц, пятью чернобурками и двумя соболями. Из людей Хельги двое было убито и пять ранено, потому что карелы имеют подлую привычку прятаться за соснами и валунами и оттуда довольно метко стрелять. Когда они таким образом убили второго веринга, Хельги в той деревне взял несколько заложников и пообещал, что всех их принесет в жертву Тюру, если будет ранен хотя бы один из его людей. Среди заложников оказался местный *стур*, деревенский староста, и карелы предложили за него одного соболя и двух черных лисиц. Хельги взял выкуп и всех отпустил на свободу. Но в одном из следующих селений, в котором не оказалось никакой стоящей добычи, потому что карелы всё попрятали, Хельги опять взял заложников и за них получил второго соболя и много выдр и бобров.

Совершив этот поход, Хельги вернулся в Трольнес и вместе с Эйнаром стал ожидать Ингвара.

82 Ингвар, как говорилось, отправился на восток вдоль южного берега Озера Ванов. Помимо добычи, он привез с собой много рассказов. И вот что он рассказал.

Вдоль южного берега от Протоки до Средней реки живут собственно ладоги. Дальше до Восточной реки живут их близкие родичи – сiasi. А дальше, уже по восточному берегу

Ванаватн, проживают олоны. Когда все эти племена хотят противопоставить себя карелам и славам, они называют себя весью, а гауты прозвали их *вессар*.

На Средней реке, или на Сяси, как ее именуют местные жители, ближе к ее устью находится большая усадьба, в которой живут гауты. Они там давно поселились, и с каждым годом число их увеличивается, потому как некоторые из них женятся либо на местных вессах, либо на славках, которых берут среди волхов, и те рожают от них детей, а к другим приезжают их родичи с Готланда или из Йоталанда. Усадьбу свою, которая больше похожа на маленький город, они называют Алаборгом. Вала они не насыпали, потому что, как они говорят, им пока не от кого было обороняться, но частокол там высокий, и в нем – трое ворот. Вокруг их усадьбы поселились ладоги и люди других племен из народа веси. Живут они в полуземлянках из бревен с каменными печками. Гауты же построили себе жилища, которые ничем не отличаются от тех, в которых они когда-то жили на Готланде. Мертвых своих гауты хоронят в круглых высоких курганах, а вессы – в низких и длинных.

Дальше на восток, возле Восточной реки, есть еще одно гаутское поселение. Но в нем живут только летом, и зимой оно пусто.

Почти все гауты из Алаборга – ремесленники и почти все – торговцы. Лишь немногие из них занимаются только ремеслом или только торговлей.

С кем и как торгуют? На этот вопрос гауты не захотели отвечать Ингвару. Но в его команде есть человек по имени Арни, родом из Панкена, который на Готланде. Этот Арни встретил в Алаборге своего сородича, и тот ему, когда, как говорится, «выпили встречу», кое-что рассказал и вот что поведал.

Гауты из Алаборга торгуют на запад и на юг, причем сами не ездят ни на Эйсюслу, ни в Бирку, ни на Готланд, а к ним из этих мест приезжают другие гауты, с которыми они встречаются в Алдейгьюборге, на Южной реке, которую славяне называют Волховом. Там они устраивают летнюю ярмарку и оттуда на торговых кораблях товары отправляются на запад.

Но главная их забота – южная торговля. Они давно разведали путь, который ведет к великой реке Итиль, по которой можно попасть в Южные Страны. К этой же реке стремятся росы и русы. Но они плавают по Динасау, Данапру и Окасау и никого туда не пускают, хотя первыми этот путь открыли готы и гауты. На новом же пути, разведанном гаутами, до самых болгар нет ни росов, ни русов. К тому же от Витурватна можно двигаться как на юг, к болгарам, так и на север, к бьярмам, у которых горностаи и соболя идут вдвое, втрое дешевле, чем наши белки и выдры. Но как добраться до *Витурватна*, Белого озера, знают только гауты из Алаборга и некоторые вессы, которые им помогают. И даже своему родичу из Панкена он никогда об этом не расскажет, ни в трезвом, ни в пьяном виде.

Так гаут со Средней реки рассказывал гауту Арни. Тот передал Ингвару, а Ингвар сообщил Хельги и Эйнару.

Ингвар очень хорошо рассказывал, потому что человеком был мудрым. Он не только владел рунами, но мог читать и писать на франкском наречии, потому как детство и юность свои провел среди франков. И в дружине его было несколько франков, среди которых один читал и писал не хуже Ингвара Сокола. Звали его Адульф, но рун он не знал.

Ингвар не только рассказы привез с собой. Он добыл много южного серебра в монетах, слитках и украшениях, стеклянные бусы и ценные стеклянные сосуды, полдюжины горностаев и дюжину соболей. Среди его богатой добычи был также диковинный южный меч. Если его подвесить на нитке и шелкнуть по нему, он начинал звенеть и звенел долго. Всё это лишнее подтверждало, что Ингвар Знающий Наперед человек удачливый и дарит удачу тем, кто с ним дружит и промышляет.

83 В Трольнесе они сперва хорошо отдохнули, затем несколько дней рыбачили, запасаясь лососем, а после тронулись в обратный путь.

Но у Орехового острова Эйнар сказал, что его заинтересовал рассказ Ингвара и он сам хочет побывать в Алаборге и расспросить местных жителей. Пусть Хельги и Ингвар плывут на Эйсюслу, а он их скоро догонит. На том и порешили. «Змей», «Сокол» и лодья с рабами вошли в Протоку и направились к Заливу Финнов, а Эйнар на «Волке» поплыл на восток вдоль южного берега Йеттеватна.

На Эйсюслу Эйнар прибыл всего на три дня позже Хельги и Эйнара, новой добычи с собой не привез и о том, что он делал в Алаборге, ничего не рассказывал. Они тут же приступили к торговле, торгуя с островными гаутами, йотами с континента и росами с Динасау. Торговлю вели Эйнар и Ингвар, которые хорошо в этом разбирались. Им помогали Отар Служанка и Торgrim Умник из эйнаровой дружины и фриз и другой гаут из команды Ингвара; фриза звали Дурк, а гаута – Коль. Они торговали очень успешно.

Следуя одному из своих правил, всю выручку они поделили поровну. При этом, однако, доля предводителей была в три раза больше доли других верингов.

После этого они разъехались. Эйнар отправился в Борго, Хельги поплыл на Аланды, а Ингвар – в свою усадьбу неподалеку от Каупа.

Больше в тот год ничего важного не случилось.

84 На следующий год три главных веринга, три названных брата, встретились не на Эйсюсле, а в Трольнесе на Ладогаватне, как стал называть это озеро-море Эйнар Себезакон. Он первым приплыл к Мысу Тролля, следуя на этот раз северным берегом Залива Финнов. Хельги и Ингвар плыли вдоль южного побережья. Ингвар шел чуть впереди, на заливе стоял туман, и возле Лугасау на его «Сокола», который внешним видом походил на торговый корабль, пытались напасть какие-то два боевых корабля. Но когда из тумана следом за «Соколом» выплыл «Змей» Хельги, викинги, судя по всему, передумали нападать и вернулись к устью реки. А Хельги и Ингвар беспрепятственно добрались до Трольнесе и пили встречу после долгой разлуки.

На этом пире Эйнар сказал:

– Зима выдалась долгой, и у меня было достаточно времени, чтобы всё обдумать. Теперь у меня есть план, который хочу вам предложить.

И дальше он так повел свою речь:

В прошлом году на рынке в Эйсюсле они сбыли товар, и все были довольны. По восточной марке за отрока и по полторы марки за молодую рабыню – цена неплохая, и больше в Стране Эстов за их головы не получишь. Но динские росы, которые купили у них рабов, продадут их потом по полторы и по две марки данапрским русам, а те повезут их дальше на юг и продадут, пожалуй, еще дороже.

Из этого следуют три вывода:

Первый. В Южных Странах уже давно в высокой цене девицы и отроки. Девиц они берут себе в наложницы, а из мальчишек выращивают воинов. Особо ценятся рабы из тех мест, где в прошлом году промышляли и в этом году собираются промышлять веринги. Но росы, которые хватают и продают и финнов, и эстов, и всех, кто им попадется, не чувствуют разницы, а если бы и чувствовали, никогда не предложат за дорогостоящих волхов и волхонок больше, чем они предложили. Так стоит ли отдавать добычу в полтора, если не в два раза дешевле? Ясное дело, не стоит.

Вывод второй. Надо искать тот рынок, где сумеют по достоинству оценить качество товара. Такой рынок есть. Он находится на великой реке Итиль, и туда ведет одна из дорог Восточного пути, которая начинается в устье Динасау и через несколько волоков и рек заканчивается в *Булгарланде*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.